

Е.П.Блаватская

Из-за моря, из-за синего океана (От нью-йоркского корреспондента «Правды»)¹

I

Европейцы и американцы. – Знают ли в Европе американца. – Характеристика истого янки. – Как относятся в Америке к русско-турецкой войне²? – Учение Монро³. – Политические взгляды американцев.

Во всех странах света, – кроме Соединенных Штатов Америки, – народы проходят по избитой дороге жизни более или менее благоразумно. Так, например, немец родится, живет, умирает чинно и прилично, варьируя монотонность бытия лишь бочками пива да выказывая при случае свою долю патриотизма в хорах *Gaudeamus* и «Wacht am Rhein»⁴. Тевтон со дня рождения до минуты смерти скромно ползет по жизненной тропе. Появление его в юдоли плача⁵ приветствуется улыбками розовой Минхен, смерть – слезами побледневшей Лизхен. Какова ни была бы его прошлая жизнь, а приличие заставит почти в каждом случае начертить на надгробном памятнике традиционное повествование потомству о «добром муже», «прекрасном отце» и «доблестном гражданине», а прохожий – также из приличия – редко позволит себе усомниться в правдивости надписи. Уроженец *de la belle France*⁶ – антипод немца по характеру, устроив хронометр жизни с будильником для периодическо-политических волнений, дабы они не застали его врасплох, – ни в коем случае, однако, не позволит себе negliжировать⁷ дорогим сердцу его⁸;

Публикуется по: Правда, 1878, №45, 23 февраля; №59, 12 марта; №70, 25 марта; №110, 16 мая; №116, 23 мая; №237, 24 октября; №270, 3 декабря; №272, 6 декабря. Вторая, третья и пятая корреспонденции имели название «Письма из Америки. (От нью-йоркского корреспондента “Правды”)».

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

Газета «Правда» издавалась Иосифом Флориановичем Доливо-Добровольским (1824–1900) в Одессе в 1873–1880 гг.

В дневнике Олькотта-Блаватской за 1878 г. сделаны записи, касающиеся статей, посылавшихся Е.П.Блаватской в «Правду»:

«7 февраля. <...> 2 письма от Н.А.Фадеевой – Одесса. 4 фельетона Е.П.Б[лаватской] безвозвратно исчезли. Просят написать другие»;

«11 февраля. <...> 3 фельетона для “Pravda”»;

«1 ноября. <...> Е.П.Б[лаватская] закончила свою статью для “Pravda”» (Дневники Е.П.Блаватской // Блаватская Е.П. Окультизм или магия. М., 2007. С. 48, 49, 64).

В письме Е.П.Блаватской к Н.А.Фадеевой от 3 июля 1878 г. также упоминаются статьи в «Правду»:

«Я послала Добровольскому всего 7 статей последние два раза. Три он прислал назад – две напечатал, а две последние заел тоже. Значит у меня пропало 5 статей, более 100 руб[лей], так как просил две статьи в месяц и по 50 р[ублей] в месяц. Да и за две напечатанные не заплатил. Вот свинья. Конечно, писать я для него более не буду. Вот Вера бедная просит Христом Богом писать для нее хоть две статьи в месяц. За последние 2 она получила 80 руб[лей], а ей это большая подмога. В самом деле, тебе нравятся мои фельетоны? А я, право, боялась, что глупые. Ну, очень рада. <...>

Конечно, Эдисон все обещания сдержал и сдержит. Дурак Добровольский еще пропустил много из моей статьи и самое интересное» (<https://art-goerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>).

¹ Под этим заглавием одна из известных в Америке писательниц будет помещать в «Правде» свои фельетоны об американской жизни. – *Примечание редакции газеты «Правда».*

² Речь идет о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

³ Монро Джеймс (Monroe, 1758–1831) – пятый президент США (1817–1825).

⁴ «Гаудеамус» (*лат. gaudeamus* возрадуемся) – студенческая песня (гимн) на латинском языке.

«Стража на Рейне» («Die Wacht am Rhein») – немецкая патриотическая песня.

⁵ Юдоль плача – выражение из Библии (Псал. 83, 7); употребляется в значении: земная жизнь с ее горестями и страданиями.

⁶ прекрасной Франции (*фр.*).

⁷ Negliжировать (*фр. négliger*, от *лат. negligere* презирать) – относиться к кому-либо или к чему-либо без должного внимания, пренебрегать.

⁸ я (*лат.*).

скача на одной ножке, вприпрыжку, от одной революции до другой, он все же скачет осмысленно и рассудительно, хотя и по-своему. Он думает о завтрашнем дне и не забудет ни ежедневного *petit verre d'absinthe*⁹, ни беранжеровского *lait de poule*¹⁰ Бабетты¹¹, ни ночного колпака в случае простуды. Француз, как и немец, проявляет амбицию на лестный некролог, хотя бы только на могильной плите. Англичанин стоит на полдороге между немцем и французом. Уж самый его феноменальный эгоизм – отличительная черта нации – служит всем порукою, что он ни на один день не позабудет ни собственных, ни отечественных «интересов». Сын Альбиона быстро шагает вперед, раздавливая под широкой ступней слабейших и круто, и ловко поворачивая «налево кругом», коль скоро представляется необходимость. Немец, француз, англичанин живут для будущего столько же, сколько и для настоящего. Но американец – чистокровный янки – это ягода совершенно другого поля...

Чем более я читаю отечественные и прочие европейские журналы, тем более убеждаюсь, что северный американец, т.е. самая достопримечательная амфибия Нового Света, совершенно незнаком его кузенам на «той стороне пруда». Европейец судит об янки – и воображает, что имеет право судить о нем, – по бесчисленным экземплярам туристов с этого полушария, постоянно снующих по земному шару. Но американец за границей и американец у себя дома – две совершенно различные штуки. Первый в полном смысле слова хамелеон, окрашивающийся по самой своей природе и без малейшего усилия под цвет не только наций, но даже и той среды, в которой он гость на час. В Париже янки делается французом, в Лондоне – чистокровным Джоном Буллем¹². Насколько этот факт справедлив, свет может судить по юродствам, выкидываемым в настоящий момент экс-президентом Грантом¹³ и его семьей за границей. Грант, расставшись с Белым домом, снова стал на уровень с последним гражданином Соединенных Штатов, он не имеет права ни на какие почести ни за границей, ни у себя дома. Даже во время царствования его в Вашингтоне газеты в силу свободы печати ежедневно обзывали его – и часто весьма справедливо – вполне *непечатными* терминами, начиная от нелестных эпитетов вора и мошенника до... чего вашему воображению угодно. А теперь Грант, приняв учтивость императрицы Индии и королевы Великобритании¹⁴ за должную дань, позволяет себе дуться на принца Эдинбургского¹⁵ и нашу великую княгиню Марию Александровну¹⁶ за то, что они не уступили ему в театре на острове Мальта первого места... Над этим курьезом все здешние газеты хохочут.

И так, повторяю, американца – и на первый взгляд невинного пришлеца – надо видеть у себя на родине, в этом громадном «желтом доме»¹⁷, называемом Соед[иненными] Шт[атами] Америки, дабы судить о нем хоть с приблизительной аккуратностью. Широко раскрыты врата сего всемирного приюта и манят они постоянно и заманивают в пучину, зияющую за их пределами, всех нравственно кривых, слепых и хромых калек, бездомных Европы. И все это поселяется, женится, плодит детей и делается через несколько времени гражданином Северной Америки. Современный янки, поэтому, представляет из себя какой-то ненормальный состав из всех национальностей. В жилах его вы найдете кровь голландца, немца, ирландца, француза, испанца и даже кровь краснокожего индейца подчас. Потомки принцессы Покахонты¹⁸, прелестной дочери шефа индейцев Виргинии, которая спасла жизнь капитану Смигу¹⁹ в 1607 году и вышла замуж за

⁹ стаканчика абсента (*фр.*).

¹⁰ гоголя-моголя (*фр.*).

¹¹ Речь идет о стихотворении «*Le vieux célibataire*» («Старый холостяк») французского поэта П.Ж.Беранже (1780–1857).

¹² Джон Буль (*англ.* John Bull, букв. Джон Бык) – собирательный образ типичного англичанина.

¹³ Грант Улисс Симпсон (1822–1885) – 18-й президент США (1869–1877).

¹⁴ Виктория (1819–1901) – королева Великобритании.

¹⁵ Альфред Эрнест Альберт (1-й герцог Эдинбургский, 1844–1900) – второй сын королевы Великобритании Виктории.

¹⁶ Мария Александровна (1853–1920) – великая княгиня, дочь российского императора Александра II, супруга Альфреда, герцога Эдинбургского.

¹⁷ Желтый дом (*устар.*) – психиатрическая больница.

¹⁸ Покахонтас (*Pocahontas*, ок. 1595–1617) – дочь Поухатана, вождя индейского племени поухатанов.

¹⁹ Смит Джон (1580–1631) – английский военный, путешественник, писатель, один из основателей и лидеров Джеймстауна – первого британского поселения на территории современных США; американский национальный герой.

капитана Рольфа²⁰, у нас весьма многочисленны и гордятся своим происхождением не менее потомков голландских Кникербокеров (Knickerbocker)²¹, аристократов Нью-Йоркского штата. Понятно, что кровь первых сетлеров²² Нового Света, строгих английских и шотландских пуритан почти совершенно иссякла в современных поколениях. Американец последней четверти XIX стол[етия] просто-напросто какая-то olla podrida²³, в состав которой входит и голландский сыр, и кайенский перец, и рыбий клей, и нитроглицерин, преобладающий преимущественно во всех политических и сердечных транзакциях²⁴ американских граждан.

Оттого янки столь резко и отличаются от своих европейских прародителей. И поэтому самому он вместо того, чтобы ползти, как немец, прыгать, как француз, или хотя бы просто шагать с осторожностью, как кузен его англичанин, стремглав несется вперед, бешено и безостановочно увлекаемый вихрем жизни. Без единой мысли о будущем, забывая прошлое и живя лишь в одном настоящем, он не ведает преград, не замечает опасностей, не верит в возможность *неодолимых* препятствий. Громадные состояния наживаются в несколько дней, исчезают, как пустой призрак, в несколько часов. Миллионер вчерашнего дня сегодня либо сидит в тюрьме, либо просит подаяние, а нищий, которому я час назад подала милостыню, через неделю может раздавить меня в Центральном парке под колесами модной баруши²⁵ и копытами тысячных рысаков. Индивидуальных, собственных принципов либо самостоятельных воззрений ни в мире политики, ни в мире религии, ни в общественной, ни даже в домашней жизни у него положительно нет, а те, которые имеются налицо, суть коллективные воззрения той или другой партии, к которой он на то время принадлежит. Имя этим партиям – легион, и каждой из них (вне области чистого барыша, впрочем) служит центробежной и вместе центростремительной силой знаменитый в Англии, как в Америке, символ общества, метафорически именуемый старой мистрис Гренди²⁶, т.е. фэшн²⁷, респектабельность и «общественное мнение». Значение последнего, однако, для каждого имеет вес лишь в среде собственной его или ее партии. Имя «публики», достойной этого названия, простирается в их глазах лишь от центра до окружности магического круга, очерчивающего каждое гнездо партизан²⁸. Вне этого заветного волшебного круга, что бы ни говорили другие партии, сколько бы ни кричали враждебные газеты для нашего янки все трын-трава. Для него порицания всего остального мира представляются лишь каким-то глухим отдаленным жужжанием летней мухи, бессильным ворчанием того, что древние греки называли *οἱ πολλοί*²⁹ – неумытой чернью. Прибавьте к этому, что престарелая мистрис Гренди, вращаясь единственно вокруг золотого тельца, сама мало заботится о внутренней гнили своих верноподданных, любясь лишь на одну наружную позолоту сих лучезарных любимцев; что вследствие этого все фавориты ее – калифы на час, и что, появляясь и исчезая на горизонте миллионов с быстротою падающих звезд в каникулярную ночь, уважение к доброму мнению даже собственной партии может удерживать этих баловней счастья только на самое короткое и неопределенное время, – и вы получите ключ к тайне, почему нигде в мире не происходит таких общественных чудес, как в Соед[иненных] Шт[атах] Америки.

В области религии американец столь же неблагонадежен, как и в политическом, и коммерческом мире. Перепрыгивая с легкостью и упругостью резинового мячика от одной партии к другой, американец так же легко перескакивает и от одной конгрегации³⁰ до другой. Он не принадлежал бы ни к одной из них, если бы только не считалось «респектабельным» быть членом

²⁰ Рольф Джон (1585–1622) – один из первых английских поселенцев в Северной Америке.

²¹ Кникербокеры – семья первых голландских поселенцев, прибывших в Америку в 1674 г. и основавших Новый Амстердам, который позднее стал Нью-Йорком.

²² поселенцев (*англ. settler*).

²³ Оля подрида (*исп., перенос.*) – беспорядочная смесь разнородных предметов.

²⁴ сделках (*англ. transaction*).

²⁵ Баруша – разновидность коляски, летний экипаж.

²⁶ Миссис Гренди (*Mrs Grundy*) – персонаж пьесы английского драматурга Т.Мортонна (1764–1838) «Speed the Plough» («Подталкивай плуг»), олицетворение ханжества и лицемерного общественного мнения.

²⁷ фэшн (*англ. fashion*).

²⁸ Партизан (*иноск.*) – сторонник, приверженец, принадлежащий к партии.

²⁹ *Οἱ πολλοί* (*греч.*) – толпа, народные массы, большинство.

³⁰ Конгрегация (*фр. congrégation*, от *лат. congregatio* соединение) – собрание, организация.

одной из многочисленных «деноминаций»³¹. Поэтому сегодня он баптист и республиканец, завтра – методист и демократ, через несколько дней смотришь – и он уже приписался к епископальной церкви.

– Зачем вы бросили церковь д-ра М., м-р С***? – спрашиваю я раз у знакомого и богатейшего маклера. – Разве баптисты лучше епископалианцев?..

– Право, не знаю, лучше ли они или хуже, – последовал хладнокровный ответ. – По-моему, оба эти пастора – humbugs (sic) (шарлатаны, мошенники – по-нашему). Но, видите ли, церковь д-ра М. вся в долгу и уже предъявлено на сумму около 250000 долларов векселей. На днях ее должны продавать с молотка... Каждое воскресенье надоедали с просьбами о контрибуциях³². Да к тому же баптисты ближе к моему дому... Да и семейство партнера моего перешло от методистов к баптистам, – так уж заодно.

Резон и вместе с тем образчик религиозного чувства янки.

Как мало Россия знакома с Америкой, как превратно и поверхностно даже ваша пресса судит иногда о ее политике, может быть показано в двух словах. Не говоря уже о ясно выражаемой надежде в некоторых частных письмах от весьма влиятельных лиц иногда на возможность в будущем оборонительного и наступательного союза России с Америкой, мне случалось находить подобные намеки даже в московских и петербургских газетах, особенно в начале войны. Именно подобные фальшивые воззрения моих соотечественников – почти общее невинное убеждение, будто Америка симпатизирует русским, и, наконец, полное неведение о том, какую предательскую роль коммерция Соединенных Штатов играла здесь исподтишка во время войны – и поселили во мне полную уверенность, что для русских Америка с ее конституцией, политикой, нравами и обыденной жизнью в полном смысле слова terra incognita³³. Начнем с главного.

Америка не может, – да хоть бы желала этого сама, – *не имеет права* входить в союз с какой бы то ни было державой. Неужели у вас в России не слыхали о так называемой «Монрое Doctrine»³⁴?.. Более пятидесяти лет прошло с тех пор, как эта «доктрина» или, скорее, этот единодушно принятый тацитный³⁵ закон постоянно брал верх над симпатиями народа. Далее постараюсь указать несколько поразительных примеров из истории Америки.

Всей Европе более или менее известно, что, начиная от 1823 года, политика Соединенных Штатов в ее отношениях с иностранными державами всегда придерживалась абсолютного строгого «нейтралитета». Причина этому следующая: тотчас после признания в 1822 г. независимости Мексики и провинций южной Америки президент Соединенных Штатов Джеймс Монрое представил на рассмотрение конгресса план, в котором предлагалось, во 1-х, не допускать европейских держав ни под каким предлогом вмешиваться во внутренние дела Нового Света и, во 2-х, так же строго воздерживаться и самим от вмешательства Соединенных Штатов в какие бы то ни было распри в Европе. Эта политическая черта и зовется здесь «Монройской доктриной». Она была послана Монрое в ежегодном «президентском послании» (message) конгрессу 2-го декабря 1823 года³⁶. Раз принятая, она сделалась ненарушимым законом. Для уничтожения ее потребовалось бы уничтожение самой конституции, погром страны – революция, а до того много еще воды утечет, потому что если у северных американцев может что-либо назваться священным и неприкосновенным, то это конституция 1787 года. Но мудрость и прозорливость этого великого государственного человека президента Джеймса Монрое была тогда же единодушно признана, и последующие события в мире политики вполне доказали американцам, как умно они поступили, сделав эту «доктрину» равносильной закону. В ней указывалось на необходимость нейтралитета

---

³¹ Деноминация (от *лат.* denominatio переименование) – в религиоведении тип религиозной организации в христианстве.

³² пожертвованиях (*англ.* contribution).

³³ неизвестная страна (*лат.*).

³⁴ «Доктрина Монро» (*англ.*) – декларация принципов внешней политики США («Америка для американцев»), провозглашенная 2 декабря 1823 г. в ежегодном послании президента США Дж. Монро конгрессу США.

³⁵ не выраженный словами, подразумеваемый (*англ.* tacit).

³⁶ Это «президентское послание» равняется «тронной речи» королевы и ее адресу* в парламенте с той разницей, что королева английская сама обыкновенно присутствует при открытии его, а президенты Соединенных Штатов, приготовив речь, посылают ее конгрессу, но сами отсутствуют. – *Примечание Е.П. Блаватской.*

* Адрес – письменное послание.

уж по самому географическому положению Нового Света. Разделенные от остального мира целым океаном, Соединенные Штаты Америки не могли, во-первых, иметь никаких общих интересов с европейскими державами, а затем это самое изолированное положение служило бы им в случае вмешательства величайшей преградой к выставлению войск. В каждом случае оно бы повлекло за собой страшные расходы людьми и деньгами в то самое время, как не раз эта игра во вмешательство «*ne vaudrait pas la chandelle*»³⁷. Вот почему «Монройская доктрина» осталась в силе. Быть может, – и даже в действительности так, – доктрина эта представляет собою верх эгоизма, но как всему человечеству, так и американцам она до сей поры приносила очевидную пользу. Сравните с ней захватывающие тенденции Англии, которая, притаившись среди морей, как гигантский полип – «черт-рыба», и растопырив радиусом лапы с сосцами по всем направлениям земного шара, безуданно захватывает малые, как и большие добычи, тотчас же метаморфозируя³⁸ каждую в «британский интерес», – и затем судите сами, которая из этих двух политик выгоднее для человечества? Америка говорит: «Не тронь меня, не лезь ко мне и я тебя не трону, ни к тебе не полезу». Выгода обоюдная. «*Tout pour moi – rien pour les autres*»³⁹, – рычит Англия. Америка, положим, и добавляет: «Пусть они себе в старой земле хоть все до одного горло перережут»... А Англия предлагает для операции острейшие бритвы собственного изделия и очищает карманы побежденных «покойников», часто сама оставаясь в стороне.

Политика Монрое выяснилась во время борьбы Греции за независимость, когда, несмотря на горячую, единодушную симпатию к этому храброму народу, Америка и пальцем не пошевелила; она [не] заявила всю силу свою и в то время, как Венгрия восстала против Австрии и Кошут⁴⁰ силой необычайного красноречия чуть было не произвел революцию в стране в пользу своего народа. Вся американская нация как один человек поднялась против Австрии; Кошута допустили уже произнести спич перед конгрессом, и была минута, когда многие чувствовали себя уверенными, что пылкий патриотизм венгерца-словака воспламенил всех членов конгресса и что Соединенные Штаты окажут пособие угнетаемому народу. Но уважение к полувекковой политике победило индивидуальную симпатию и Кошут не успел в своей миссии. То же самое мы видим теперь в отношении Сев[ерной] Америки к острову Куба⁴¹. Граждане из кожи лезут помочь кубанам, снабжают их и деньгами, и оружием (конечно, секретно). Народ громко заявляет братскую симпатию, и правительство с затаенным чувством лучших пожеланий инсургентам⁴² остается все-таки непреклонным и по наружности хладнокровно взирает на этот смертельный поединок между Кубой и Испанией. Конгресс молчит и «Монройская доктрина» остается ненарушенной... Скажем более. Эта «политика невмешательства», так сказать, уже инстинктивно брала верх в сердцах государственных людей Соединенных Штатов долго еще до появления ее в Монройском послании. Америка была многим обязана Франции в деле своей независимости: Франция помогала ей против англичан, и когда вспыхнула революция и террор в самом начале административной карьеры генерала Вашингтона⁴³, вся американская нация была за французов и против англичан. Но это не помешало «отцу Америки», когда вновь явившийся от французской республики посол Жене⁴⁴ почти взбунтовал граждан Соединенных Штатов в пользу Франции, потребовать от правительства последней удаления опасного патриота из пределов Нового Света.

В то же самое время мы видим счастливый результат «доктрины» и в других отношениях. Строго соблюдая неприкосновенность чужих владений, Америка требует такой же неприкосновенности и собственной территории. Слова Монрое в его послании, советуя народу взирать на малейшую попытку со стороны европейских держав привить собственную систему правления к какому бы то ни было пункту нашего полушария «как на прямую угрозу

³⁷ не стоила бы свеч (*фр.*).

³⁸ превращая (*фр. métamorphoser*).

³⁹ Все для меня, ничего для других (*фр.*).

⁴⁰ Кошут Лайош (1802–1894) – политический и государственный деятель Венгрии.

⁴¹ Речь идет о Десятилетней войне (1868–1878) за независимость Кубы от Испании.

⁴² Инсургенты (*лат. insurgentes* повстанцы) – вооруженные отряды гражданского населения, противостоящие властям.

⁴³ Вашингтон Джордж (1732–1799) – американский государственный деятель, первый президент Соединенных Штатов Америки (1789–1797).

⁴⁴ Жене Эдмон (1763–1834) – французский посланник Франции в США в 1793–1794 гг.

безопасности и миру Соединенных Штатов», приняты буквально. Поэтому еле было маршал Базен⁴⁵ расположился в Мексике с армией и розовыми надеждами на императорскую корону для избранника Наполеона III⁴⁶, как статс-секретарь Сьюард⁴⁷ учтиво попросил его эвакуировать подобру-поздорову слишком близкую к вашингтонскому кабинету территорию. Так как это случилось как раз после федеральной войны и Соедин[енные] Штат[ы] имели наготове миллионную армию, то будущий герой⁴⁸ Метца⁴⁹ и заблагорассудил удалиться восвояси без дальнейших безобразий. За «разбитые стаканы» заплатил бедный Максимилиан⁵⁰.

Вот почему надежды неких русских – чистейшая утопия. Этот вынужденный нейтралитет не мешает, однако же, народу выказывать во время всякой европейской потасовки симпатию к той либо другой стороне воюющих. В начале настоящей русско-турецкой бойни наших янки положительно тянуло на сторону русских. Весть о переходе армии за Дунай⁵¹ была встречена с восторгом. Но вот явился слух о неудачах, о «жестокостях», о *варварстве* русских солдат. Явились агенты Аристарха-бея⁵², греческого Иуды, предателя в Вашингтоне, а с ними и самодержавный, всевышний и всемогущий доллар. Явились и англичане, наводнившие редакции, и ультрамонтане⁵³, подстрекающие во имя папства ирландско-католические массы американцев. Ветер подул в противную сторону и посыпался град лживых известий, клевет и журнальной ругани. И право, «было бы смешно... когда бы не было так грустно» сообщать следующий факт. Во все время этого газетного башибузукства⁵⁴ ни один голос, ни иностранный, ни русский, не поднялся в защиту России и ее героев. Только двое нас – сирот, брошенных на этот чуждый берег, – некто С.Е.Шевич⁵⁵ да я написали несколько статей в опровержение⁵⁶. Но, к несчастью, сколько мы ни рвались в бой на стальных перьях, после двух-трех статей наших протестов и не принимали.

– Надоели вы, значит, с вашим патриотизмом. Правда у вас ходит голая и из нее сапог себе не сошьешь, а за вранье платится щедро, потому – сенсация!

На этом мы оба и съехали.

В России никому и в голову не придет, до какого злобного, чисто дьявольского лукавства доходили некие английские журналисты, занятые в редакциях нью-йоркской прессы, лишь бы только создать диверсию в пользу турок. Но вот... ветер снова подул в противоположную сторону. Получены известия о взятии Карса, Плевны, о целом ряде русских побед. Янки, покорные флюгера всякого вихря, отвернулись от Босфора и, обратив внимание на славянские берега, наострили уши и стали прислушиваться. Несколько дней тому назад как бомбой шлепнулась телеграмма среди биржевого и газетного мира об оккупации если не самого Константинополя, то окружающих его форпостов русскими! За нею другая – об изувечении телеграфов, прерывании прямого сообщения с Лондоном и вследствие этого о жалко-бедственном положении

---

⁴⁵ Базен Франсуа (1811–1888) – французский военачальник, маршал Франции; в 1870 г. во время франко-прусской войны сдал врагу город Мец и сам капитулировал с 170-тысячной армией.

⁴⁶ Наполеон III Бонапарт (1808–1873) – президент (1848–1852) и император (1852–1870) Франции.

⁴⁷ Сьюард Уильям Генри (Seward, 1801–1872) – американский политик, 24-й государственный секретарь США (1861–1869).

⁴⁸ Безусловно, ирония.

⁴⁹ Мец (*фр.* Metz).

⁵⁰ Максимилиан I (1832–1867) – эрцгерцог Австрийский, император Мексики с 1864 по 1867 г., расстрелян по приказу мексиканского правительства Б.Хуареса.

⁵¹ Форсирование Дуная русскими войсками началось 15 (27) июня 1877 г.

⁵² Аристарх-бей – турецкий консул в Вашингтоне во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

⁵³ Ультрамонтане (*ит.* пара *ultramontano* папа из-за гор (Альп), *лат.* *ultra* далее, за пределами + *montis* горы) – последователи ультрамонтанства, идеологии и течения в римско-католической церкви, выступавшие за жесткое подчинение национальных католических церквей папе римскому, а также защищавшие верховную власть пап над светскими государями Европы.

⁵⁴ Башибузуки (*англ.* *bashi-bazouks*) – название отрядов турецкой нерегулярной кавалерии, существовавших во времена Османской империи; имя «башибузук» стало нарицательным для характеристики человека, способного на самое возмутительное по своей жестокости насилие.

⁵⁵ Шевич Сергей Егорович (ок. 1847–1911) – социалист, журналист, редактор.

⁵⁶ См. статью Е.П.Блаватской «Турецкое варварство» в нью-йоркской газете «The World» от 13 августа 1877 г. и статьи С.Е.Шевича в американской прессе под общим названием «Crescent and Cross» («Полумесяц и крест») (см.: Н.Р.Blavatsky's Scrapbooks, т. III, V).

протестантского Лойолы⁵⁷ – Лайрда⁵⁸ и о депеше его, вопиющей к Биконсфильду⁵⁹: «Караул!.. Британские интересы режут!!!», о депеше, которая оставалась два дня в дороге и тем дала русским возможность не дремать в продолжение этих знаменательных двух суток...

Наступила минута остолбенения – затем сенсация. Чем-то веселым зашекотало в горле хладнокровного янки и раздался такой повсеместный неудержимый гомерический хохот, какого давно никто уже не слыхал. Смеялись все, от мала до велика, и всяк, кто был способен сообразить и вникнуть в суть дела. Смеялись русофилы, смеялись и туркофилы; хохотали обедающие в ресторанах и широко скалили зубы негры-половые; хохотали, словом, на улицах, в клубах, в театрах, на железных дорогах, богатые и бедные, умные и глупые. Три дня стоит в воздухе стон от неудержимого хохота от запада да востока Америки. И ведь смеются не над несчастными османли⁶⁰, растерявшими свои туфли, а над британскими «интересами», над поражением «великих» английских дипломатов, потому что в душе американец ненавидит англичанина и, несмотря на кровное родство, желает ему всякой пакости. «Шах королеве!» – кричали они в эти последние дни друг другу, проходя по улице. «Мат – султану!.. Шах и мат Биконсфильду... Провалился великий Дизраэли – ура Горчаков⁶¹ и Россия!» – заревели граждане, как только раскусили всю важность известий.

И при всем этом у них ни на минуту не является мысли ни о реках человеческой крови, залившей берега Дуная и долины Армении; ни о великом горе и убитой жизни старых матерей, жен, осиротевших детей; ни даже о торжестве святого правого дела, имевшего высокой целью освобождение миллионов братьев их в семье человеческой из-под ига кровожадных гиен в образе человеческом – этих ослов в львиной шкуре, называемых турками! Нет, до всего этого им мало дела. Во всем этом они видят лишь одно – ловкий «шах и мат» английскому кузену, ножку, ловко подставленную – à la янки – Горчаковым Биконсфильду; и воображаемые гримасы Джона Булля заставляют его, нежного родственника «дядю Сэма»⁶², буквально кататься со смеху!

Что ж, радуемся и мы, хотя и немного иначе. Первым движением моим по объявлении, что русская армия все равно, что в Константинополе, что война, по крайней мере, с Турцией, вероятно, окончена, был глубокий вздох облегчения – словно Казбек с плеч свалился! Вторым движением – столь же глубокое, хотя немое чувство благодарности Провидению, что хоть раз удалось в этом грозном мире предательской дипломатии правде и справедливости восторжествовать над ложью, лукавством и варварством. А третьим движением – откровенно признаюсь – явилось неудержимое желание заржать на радости и затем во все горло запеть пародию на известные куплеты 1812 года:

Дизраэли не до пляски,
Растерял свои подвязки,
И... кричит: «Годдем!»⁶³

Но что еще лежит впереди... Какие ужасы, быть может, прикрывает непроницаемая, таинственная завеса будущего? Кто знает! К сожалению, «медиумы» одиннадцати миллионов спиритов Север[ных] Американских Штатов на этот раз спасовали. О «будущем» все эти оракулы XIX столетия осторожно помалкивают.

Ел. Блаватская.

⁵⁷ Лойола Игнатий (ок. 1491–1556) – католический святой, основатель Общества Иисуса (ордена иезуитов).

⁵⁸ Лэйярд Остин Генри (Layard, 1817–1894) – английский археолог и дипломат, посол Великобритании в Турции (1877–1880).

⁵⁹ Дизраэли Бенджамин (граф Биконсфилд, 1804–1881) – английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1868 и с 1874 по 1880 г.

⁶⁰ Османлы (*тур.* Osmanlı) – старое название народа, составляющего основное население Турции.

⁶¹ Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) – государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел (1856–1882).

⁶² Дядя Сэм (*англ.* Uncle Sam) – персонафицированный образ Соединенных Штатов Америки.

⁶³ «Прокляни меня Бог» или «будь я проклят» (Goddamn) – любимая английская поговорка.

II

Американские клубы и современный прогресс. – «Утки» в Америке по части политики и науки. – Россия в Ветхом Завете. – Американские филологи. – Преследование общества трезвости. – Либеральный перец или повальное чиханье. – Русские «утки» на счет северо-американских забастовок.

Из-за моря, из-за океана
Стая уток серых летит...

Кому не случалось на веку своем выслушивать горячие панегирики ярких оптимистов доблестным изобретениям, «духу реформы» и вообще прогрессу XIX века – этому веку Наполеона «маленького»⁶⁴ и Барнума «Великого»⁶⁵, мыльных пузырей мексиканского займа и папской непогрешимости? Может быть, и у вас в Одессе найдутся такие ораторы – «долгой старину, подавай новь»? – а у нас они так развились хуже колорадского жука. Буквально мозги заели и оглушили своим криком бедных консерваторов. Три «либеральных» клуба у нас в городе; четыре – «ультралиберальных»; два клуба «прогрессистов»; клуб «позитивистов»; клуб «антиклерикалов»; клуб «неверующих»; общество «разрушителей»; другое – «ультрарадикалов» и т.д. и т.д.

И действительно, окинешь взором цивилизованные нации и просто ахнешь! Бросишь ретроспективный взгляд на карьеру нашего выживающего из ума (вследствие понятной дряхлости) века и так вас и окатит с ног до головы потом благоговения... Мурашки выступают по всему телу от гордости! Судите сами: с первых пеленок своих наше доблестное столетие оказалось ненормально быстро развивающимся младенцем. Еле первый зубок стал резаться, а у него уж и телеграфы, и железные дороги, и пароходы на уме. А ведь как уж в начале карьеры давали юному феномену в «будущие» зубы – ничего не помогло. Не унималось умное дитя и все вперед да вперед лезло... И стали мало-помалу разводиться у нас чудеса по белому свету. Загрохотали паровозы от Северного полюса до Южного, запыхтели стимеры⁶⁶ да локомотивы; залетали молниеносные телеграммы с одного берега океана до другого; пробегают они и в пучине морской, повергая в «родимчик» все рыбье поколение; скользят по серебристой маковке Гималаев⁶⁷, задевают на пути и Арабат, приводя в электрический трепет старую туфлю Ноя, по преданиям все еще покоящуюся меж допотопных останков библейского ковчега... Во времена оные на путешественника, совершившего кругосветное плавание, взирали с благоговейным уважением: теперь же нет того коммивояжера, который не лез бы в Гумбольты⁶⁸!

Да, диковинный-таки наш свет! И, по словам чемпионов-прогрессистов⁶⁹, одна из величайших выгод современных изобретений – это та, что они совершенно парализовали всякую попытку даже к невиннейшей лжи. Теперь у нас – так гласят наши крикуны – ни соврать, ни прихвастнуть не приходится. Тотчас улика налицо. Теперь уж и гоголевскую Коробочку, пожалуй, что не уверишь, что, напр[имер], в Америке люди ходят вверх ногами, а граждане украшают повисшие вниз маковки индючьими перьями.

И так, благодаря снующим репортерам, неподкупным газетам, достовернейшим телеграммам – из официальнейших источников, особенно тех, которые непосредственно вытекают из «Международного телеграфного агентства» да контор Гаваса⁷⁰, а главное, из «К^о ассоциированной

⁶⁴ Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – полководец и государственный деятель Франции, заложивший основы современного французского государства; имел небольшой рост 152 см.

⁶⁵ Барнум Финneas Тейлор (1810–1891) – американский шоумен и антрепренер, организатор цирка своего имени.

⁶⁶ пароходы (англ. steamer).

⁶⁷ Гималаев (англ. Himalaya).

⁶⁸ Гумбольдт Александр (Humboldt, 1769–1859) – немецкий ученый-энциклопедист, физик, метеоролог, географ, ботаник, зоолог и путешественник.

⁶⁹ защитников (фр. champion).

⁷⁰ Гавас – французское информационное агентство, основано в 1835 г. Ш.-Л.Гавасом (1783–1858).

прессы» города Нью-Йорка, – врать не приходится. При настоящих порядках всякий товар продается налицо и каждая штука так и просвечивает. Благдеяния современного прогресса дошли до того, что мало-мальски неаккуратное сведение из Царевококшайска⁷¹, например, мгновенно исправляется прессой-уличительницей – ну хоть и в Пекине! Еле президент С[оединенных] Ш[татов] чихнул в Вашингтоне, как ему даже тибетский Далай-лама мог бы пожелать здравствовать из Лассы⁷².

– Взгляните... – ораторствует некий прогрессист в «либеральном» клубе. – Посмотрите на благотворительные плоды цивилизации. Старый хлам разрушается с каждым часом более. Являются одно за другим нововведения – реформы, особенно в Ватикане и в Турции... Средневековые суеверия, ослепленные ярким светом науки с ее непогрешимой методой строгой индукции, прячутся, как испуганные совы, в развалинах самодурства и ханжества!.. Истина, светлая, неподкупная истина, победив галлюцинации истеричных фанатиков, витает самодержавно над XIX веком!.. Да. Мюнхгаузен⁷³ выдохся... Немецкий барон сделался немислимим в нашем столетии!.. И проч. и проч.

Ой, полно, так ли? Допустим, что телеграфы да паровозы – великое дело, с одной стороны, да ведь президирующий⁷⁴ гений-то, руководящий этими бездушными новыми аппаратами, все тот же *старый* человек – то же адамово отродье. А этот «человек» куда как далеко хватает в сторону от истины именно вследствие злоупотреблений в области «индукции»! Без сомнения, прогресс сделал доступным вульгарному люду, то, что доселе оставалось для него почти недостижимым: обмен *якобы* достоверных сведений о совершившихся фактах в области политики и международных интересов да искренне громкие и во всеуслышание переговоры его респективных⁷⁵ правительств между собой. Прогресс допустил третейский суд народа во всех почти международных конференциях, поставил его присяжным на судилище сильных мира сего. Допустим, что все это так. Да ведь зато и «карась – телеграммы – в море, чтобы щука – народ – мог дремать»... Нам говорят, быстрокрылые телеграммы убили своей добродетельной будничной прозой всю коварную прелесть вымысла дотелеграфных времен; что толки и часто ни на чем не основанные сплетни и слухи, как и фальшивые воззрения и подозрения одной державы на другую, сделались совершенно невозможными ввиду обильных жатв на полях действительности... А мы отвечаем: положим, что Мюнхгаузен и выдохся, да ведь зато его «дикие утки» остались невредимыми. С легкой руки его творческого вымысла безуданно совершают они кругосветный перелет свой. Расплодились они да размножились с телеграфами, сердечные, гоняясь еще быстрее за приманкой да поклевывая ее под хвостами одна у другой. Рассеялись они по белому свету пуще прежнего, перепархивают с флюгера одного «агентства» на другой. Особенно в настоящее время смут и европейского переполоха имя им под шумок кровавого пира – легион. В одном Нью-Йорке они до того расплодились, что уж и не отличишь серой «утки» от белой лебедки!

Оно и выходит, что пока человечество прогрессирует по пути эгоизма и порока, оно применяет все эти новоизобретения лишь к собственной выгоде. Оно пользуется плодами аристотелевых «индукций» в области физики лишь в полный ущерб философическим и платоническим «дедукциям» в области психологии. Стало быть, мы и вправе думать, что все эти нововведения, по словам знаменитой мистрис Парктингтон⁷⁶, «от одного лукавого» и для вящего затмения наших мозгов.

Отцы родимые! Сколько этих «уток» поналетело теперь! Даже небо помрачили они сплошную стаю своей. Прислушайтесь к говору журналистики, к этому постоянному прибою и отливу «сенсационных» новостей. Девятым валом приливают они к ногам вашим, гонимые

⁷¹ Царевококшайск – в XIX веке уездный город Казанской губернии; с подачи писателя М.Е.Салтыкова-Щедрина (в очерке «Господа Молчалины») обобщенное обозначение глубокой провинции.

⁷² Лхаса (англ. Lhasa).

⁷³ Мюнхгаузен – герой «мюнхгаузиад», анекдотических рассказов о баснословных военных и охотничьих приключениях и фантастических путешествиях барона Мюнхгаузена, олицетворяющего нелепое и беззастенчивое вранье, продукт немецкой юмористической литературы конца XVIII в.

⁷⁴ председательствующий (англ. preside).

⁷⁵ соответствующих (англ. respective).

⁷⁶ Мистрис Партингтон (англ. Partington) – героиня книг американского юмориста Б.П.Шиллабера (1814–1890), ее комизм поведения был в том, что она путала слова, комбинируя их и создавая новые.

«утренними телеграммами», затем, чтобы еще быстрее отчалить в область фантазии с «вечерними» депешами. За последнее полугодие только и слышалось, как в известной детской игре с зажженными свечами: «Папа болен... Папа умер... Папу надо хоронить!»⁷⁷ Общее смятение меж католиками. Спекуляторы⁷⁸ спешат начать перетасовку фондов и купонов. Глянь, а папа воскрес! Опять паника и несколько торговых домов проваливаются.

На этот раз он, кажется, «всурьез»⁷⁹ умер». Передо мною газета «Телеграф», издание 5 часов пополудни, гласящая, что непогрешимый отец отправился сводить земные счета ровно в 3 часа 7-го февраля. Хотя между Римом и Нью-Йорком около пяти часов разницы во времени, но все-таки скорость в телеграфных агентствах похвальная, если сами известия оно и весьма редко верные. Кардинал Мак-Клоский⁸⁰ готовится к некоторым шансам и уезжает на конклав завтра утром. Чем черт не шутит!.. В мире гипотез, планов и предположений так еще хуже. Наши туземные дипломаты додумались до некоего изумительного плана, который, поддержав «британские интересы», вместе с тем должен разрезать и гордиев узел восточного вопроса. Некий сангвиник серьезно предлагает уговорить султана отказаться от прав гарема и женить его на вдовствующей королеве Виктории. Таким образом, все затруднения разлетелись бы в пух и прах. Идея весьма богатая, зародилась на днях в уме одного из наших «либералов» в клубе. Если мой скромный совет подействует на него, то он тотчас заявит о ней лорду Биконсфильду. Автор стольких еврейско-эпических романов⁸¹ получил бы, таким образом, шанс сделаться вице-королем в Иерусалиме, а затем, быть может, и Соломоном II среди угнетенных колен Израилевых.

Да будет известно всем и каждому у вас, что в Америке если не очень интересуются войной, то зато ввиду глубокой симпатии, изъявляемой нашими «либералами» к не прогрессивности бедной России – темного царства, как его обзывает местное журналистическое светило, газета «Sun», – филологи, археологи и даже несколько «преподобных» этнологов сильно заняты ее происхождением. Так, недавно некий пастор в Бруклине читал лекцию о «религиозном затмении» русского народа, которого он почему-то именовал «папскими идолопоклонниками» и «вавилонянами». Преподобный рассуждал так: одного названия «царь» достаточно, дабы доказать, что русские – выходцы из древней Вавилонии. И тут же он принялся филологически рассекать это слово, дабы доискаться до следующего по всем правилам современного искусства. Навуходоназар⁸² – он рек – был царем вавилонским, а это имя пишется по-английски На-бу-ка-де-на-зар, а русское слово «царь» произносится англо-саксоном – «зар», ergo⁸³ – русские прямые потомки царя-быка времен Данииловских. Прогресс в науках у нас поистине гигантский.

Другой преподобный – д-р Джон Коттон Смитт ораторствовал на эту же тему в церкви Вознесения. Вы должны знать (т.е. вы, русские-вавилоняне), что у нас в Америке, когда пасторам наскучивает заниматься топографией *ада*, то они начинают в своих церквях вдаваться в самые разнохарактерные предметы: от цвета шерсти допотопного мамонта до цвета шиньона m-lle Aimée – директрисы здешней французской оперетки – включительно. Словом, в домах «молитвы» рассуждается обо всем, кроме Бога, как у вас, «халдейцев»⁸⁴. Зашла я как-то послушать веселую музыку органа в эту «церковь» Вознесения, но вместо музыки узнала, что преподобный намерен держать спич в тот вечер о религиозном аспекте восточного вопроса, из коего познакомилась со следующими фактами. «Россия, – говорил лектор, – единственная из современных наций, имя коей находится в Ветхом Завете. В 38-й и затем в 39 главе Эзекиила⁸⁵ мы встречаем имя рош или росс – на еврейском языке. Эти-то роши и есть нынешние русские».

Вообще говоря, филология у нас совершенно помрачила рассудок многих, бывших до сей поры весьма рассудительными индивидуумами. «Либералы» же – члены «либерального клуба» –

⁷⁷ Речь идет о папе римском Пие IX (1792–1878).

⁷⁸ спекулянты (*фр.* spéculateur).

⁷⁹ всерьез (*устар.*).

⁸⁰ Макклоски Джон (McCloskey, 1810–1885) – кардинал, архиепископ Нью-Йорка (1864–1885).

⁸¹ Б.Дизраэли был также писателем, одним из представителей «социального романа».

⁸² Навуходоносор (Nebuchadnezzar) – царь Вавилона в 604–562 гг. до н.э.

⁸³ следовательно (*лат.*).

⁸⁴ Халдей (*устар.*) – плут, проходимец, пройдоха; пренебрежительное название ряженных шутов и скоморохов, потешавших народ на святках на улицах, базарах и обычно не стеснявшихся грубых и непристойных выходок.

⁸⁵ Иезекииль (*англ.* Ezekiel).

так положительно взбесились насчет корнеоткапывания в допотопных языцах слов, общеупотребляемых в современных разговорах. Несколько времени тому назад мне как-то случилось перевести в одной статье нашу русскую поговорку – «шила в мешке не утаишь», тотчас же о ней пошли толки. Как истые прогрессисты, которые отвергли бы бессмертные афоризмы самого Кузьмы Пруткова⁸⁶, не говоря уже о поговорках премудрого царя Соломона⁸⁷, наши «либералы» тотчас же составили против меня в клубе сильную оппозицию. «Россия по самой природе своей (вероятно, халдейской) не прогрессивна и поэтому сама ничего выдумать не может... Все после потопа – дрянь; одни лишь открытия в мире допотопном достойны внимания науки... Друзья мои, станем искать! Кто был первым изобретателем железных дел мастерства? Внук первородного убийцы Тубал-Каин⁸⁸. Он первый изобрел шило и остался известным в истории как мастер по части меди и железа; в то самое время как брат его Юбал⁸⁹ выдумывал первую арфу и орган, прародителя современной шарманки, владельцы коей итальянские маркизы и графы, беглецы от правосудия, ежедневно раздражают эстетический слух прохожих на улицах Нью-Йорка. Поэтому весьма ясно, что ни русский народ, ни Сахаров⁹⁰ не могли сочинить такой острой поговорки. Автор оной – Тубал-Каин».

Затем, разгорячась, филологи разделились на две партии. Доказав – преимущественно сами себе, – что ни Платон, ни Исократ, ни Аристотель, ни даже Шеллинг⁹¹ не имели никакого понятия о правильном значении слова «филология», те из наших либералов, которые готовились совокупно с археологами предаваться разбиранию древних надписей, решили продолжать именоваться «филологами». Остальные, более склонные к разрешению задачи о квадратуре круга⁹², а вместе с ней и к сравнительной этимологии корней слов, дошедших до нас прямым наследием от вавилонского столпотворения, согласились впредь именоваться «глоссологами»⁹³. Таким образом, путаница средневекового тривиума, который в соединении с четырьмя ветвями квадривиума некогда составлял семь «либеральных» искусств александрийских греков⁹⁴, была распутана нашими современными «либералами». Номенклатура эклектиков древней школы исправлена, и мудрецы XIX века показали себя несравненно вышестоящими мудрецов первых веков.

Так как «либеральный клуб» – №2 по рангу – выдает себя за верховное судилище по части всего не либерального, то, найдя как-то причину пожаловаться на односторонность и кляузы известной туркофильской газеты «Sun», на нее я принесла клубу жалобу. Дело в том, что, прочитав в вышереченной газете гнуснейшую ложь о России под маской известия из *достовернейшего* источника, я вспылала справедливым негодованием. «Русское правительство, –

---

⁸⁶ Козьма Петрович Прутков – литературная маска, под которой в журналах «Современник», «Искра» и других выступали в 1850–1860-е годы поэт А.К.Толстой, братья Алексей, Владимир и Александр Жемчужниковы.

⁸⁷ Соломон – третий еврейский царь, легендарный правитель объединенного Израильского царства в 965–928 гг. до н.э.

⁸⁸ Тубал-Каин – библейский персонаж, сын Ламеха (из рода Каина) и его жены Циллы, он был «ковачем всех орудий из меди и железа», то есть основоположником кузнечного ремесла (Быт. 4, 22).

⁸⁹ Иувал (англ. Jubal) – библейский персонаж, сын Ламеха (из рода Каина) от Ады, изобретатель гуслей и свирели, струнных и духовых музыкальных инструментов (Быт. 4, 21).

⁹⁰ Сахаров Иван Петрович (1807–1863) – этнограф-фольклорист, археолог и палеограф.

⁹¹ Платон (428/427 – 348/347 до н.э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.

Исократ (436–338 до н.э.) – афинский оратор, публицист, учитель Демосфена.

Аристотель (384–322 до н.э.) – древнегреческий философ и ученый.

Шеллинг Фридрих (1775–1854) – немецкий философ.

⁹² Квадратура круга – задача, заключающаяся в нахождении способа построения с помощью циркуля и линейки (без шкалы с делениями) квадрата, равновеликого по площади данному кругу. Является одной из самых известных неразрешимых задач на построение с помощью циркуля и линейки. Математическое доказательство невозможности квадратуры круга не мешало многим энтузиастам тратить годы на решение этой проблемы. Тщетность исследований по решению задачи квадратуры круга перенесла этот оборот во многие другие области, где он попросту обозначает безнадежное, бессмысленное или тщетное предприятие.

⁹³ Глоссология (греч. γλῶσσα или γλῶττα – язык) – наука о языке.

⁹⁴ Семь свободных искусств (лат. septem artes liberales) – учебные предметы («науки») средневековой средней школы и «артистических» (подготовительных) факультетов университетов; включали 2 цикла: тривиум (лат. trivium трехпутие) – грамматику, риторику, диалектику и квадривиум (лат. quadrivium четырехпутие) – арифметику, геометрию, астрономию и музыку.

гласил сей мусульманский орган, – главнейший и почти единственный доход коего водка, отдало на днях варварское приказание, а именно: оно повелело всем квартальным и даже будочникам (!?) впредь взирать на каждое “общество трезвости” как на секретное и запрещенное, а на каждого отдельного члена оно как на врага отечества. Вследствие этого все полицейские чиновники получили тайные инструкции ловить всех таковых членов, а поймав сечь и даже – буде оно найдено необходимым, – *засекать его до смерти*, пока злополучный член не отречется от “общества”, напившись пьяным до чертиков» (vide⁹⁵ газету «Sun», окт[ября] 3 1877). Написав опровержение этой наглой лжи, которой американцы поверили безусловно, я послала его в редакцию в тот же день. Ни одна газета, даже из тех, которые симпатизировали России, не приняла его. «Нам невыгодно было бы теперь идти против укоренившихся убеждений публики...» – получила я в ответ.

– Да ведь это не убеждение, а предубеждение!..

– Все равно, – отвечал мне редактор, поджаривая подошвы сапог на солнце и хладнокровно высунув обе ноги из окна. – Все равно. Опровержение ваше никем не будет принято во внимание и вы только испортите эффект «сенсации», а «Sun» заругает вас до смерти.

Нечего делать; отправляюсь в «либеральный [клуб]» и прошу влиятельных членов опубликовать мой протест в одной из ультралиберальных газет. Час от часу не легче. Члены переглядываются и грустно, но отрицательно качают мудрыми головами.

– Что ж мы можем сделать?.. Ведь «Sun» правду пишет.

– Правду? Ваш «Sun» врет, как нью-йоркский газометр, – и знает сам, что врет!

– Ну вот и врет... Не сами ли вы нас когда-то уверяли, что сообщенное «Франклиновской газетой» известие о том, что Тифлис находится на Каспийском море, неверно, что поэтому и взбунтовавшиеся чеченцы никогда и не думали брать этот город два раза штурмом? Затем, что тот же «Sun», напечатавший известие о том, что въезд в Киев, Петербург и Елисаветград⁹⁶ строжайше запрещен евреям и что во всех городах России, где есть церкви, жидам⁹⁷ позволяют селиться *только за городской чертою*, врал. А мы вот навели справки и узнали от самых же израильтян, живущих в Нью-Йорке, что все это *истина* и что даже еле десять лет тому назад едва лишь несчастный еврей появлялся в некоторых городах, как ему тотчас же обрубили обе ноги и ссылали в Сибирь⁹⁸... Странно, что в вас патриотизм затемняет справедливое воззрение на факты. Ведь теперь век прогресса, век просвещения... По вашим же словам, «шила в мешке не утаишь».

Долго бы еще рассуждал оратор, если бы голос его не был внезапно прерван оглушительным чиханьем, которому стал в скором времени вторить и собственный неудержимый кашель. Произошло невыразимое всеобщее смятение... Оказалось, что студенты медицинского факультета, в здании которого помещается клуб, – злейшие враги либералов – посыпали красным перцем всю залу. Так как в предыдущий митинг у них чуть было не завязалась драка, то в этот вечер были расположены вдоль обеих стен два ряда полисменов. Скорее протолкавшись, я поспешила домой, повторяя по дороге: «Да, шила в мешке не утаишь, как и не выбелить мылу головы у негра. И для чего это только Тубал-Каин выдумал это “шило”!»

Чтобы покончить теперь с «утками», с удовольствием вижу, что и отечественные газеты не всегда остаются в долгу у янки. Пока последние выдумывали потомкам Моисеевым новую «обетованную землю» в Киеве, неосторожно забыв притом Бердичев, некто г. Гиллин⁹⁹ описывал в фельетоне «Русского мира» (19 августа 1877 г.)¹⁰⁰, и чрезвычайно патетично, «уличные сцены»

⁹⁵ смотри (англ.).

⁹⁶ Современный Кропивницкий – областной центр на Украине.

⁹⁷ В XIX веке слово «жиды» широко употреблялось в русском языке в значении иудеи (исповедники иудаизма) и не несло отрицательных коннотаций.

⁹⁸ Смотри «Sun» 21 сентяб[ря] 1877* и мой ответ 25 сентяб[ря] в «New-York World»**. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* См.: Sun, 1877, 22 сентября.

** В газете «The World» (Нью-Йорк) от 25 сентября 1877 г. была опубликована статья Е.П.Блаватской «The Jews in Russia» («Евреи в России»).

⁹⁹ Гиллин Арнольд Любимович (1848–1901) – русский писатель и драматург американского происхождения.

¹⁰⁰ См.: Гиллин А. Уличные сцены из последних событий в Соединенных Штатах // Русский мир, 1877, №224, 19 августа.

из «последних событий в Соед[иненных] Штатах», т.е. о стачках и забастовках железнодорожных рабочих. Эти сцены представляют самые кровавые события; указывают, где именно они происходили, и знакомят невинного читателя с малейшими подробностями ужасного мятежа. Автор рассуждает о «злополучных днях для жителей этого города» (Нью-Йорк), о «толпах разъяренных рабочих, окруживших здание Эрийского¹⁰¹ вокзала», и, наконец, в виде драматического финала, так сказать, букета своего исторического рассказа, напоминающего Дюма-пэра¹⁰² и его охоту за тиграми в Кутаисе, ставит читателей лицом к лицу с трупом убитого полисмена. Повествуя о сем «окровавленном и избитом полицианте», которого он (автор) с щепетильной аккуратностью историка даже называет его по имени – Джон Гоббс, №562, 10 участка, г. Гиллин своей трагической сценой жены и осиротелых детей, бросающихся с раздирающими воплями на труп мужа и отца, напоминает пассажи из «La Tour de Nesles»¹⁰³. Все это чрезвычайно живописно и весь рассказ был бы пунктуально верным, если бы в него не вкралась одна ошибка, самая безделица... Никакого бунта в Нью-Йорке, ни большого, ни малого, во время июльской стачки вовсе и не было. Бывали и ежедневно бывают здесь сцены и хуже вышеописанных, да не во время пресловутой стачки. Бунт железнодорожных рабочих разыгрался в конце июля в Питтсбурге, захватил Балтимор¹⁰⁴, Альбани¹⁰⁵ и несколько других городов и замер в начале августа на пороге Нью-Джерсея¹⁰⁶. Не выезжая из Нью-Йорка во все время стачки, мне приходилось ежедневно проходить по городским улицам, и нигде никакой толпы не было, не раздалось и шороху. Все осталось спокойным, благодаря твердости Вандербильта¹⁰⁷, главного владельца железных дорог. В Эрийском вокзале не было не только стачки, но даже и простых беспорядков и даже ни одного разбитого носа в Нью-Йорке. И откуда это залетела в Питер такая шустрая «утка»!

А то, что действительно было курьезного во время пресловутой стачки, то о том у вас и не знают в России. Милиция Соедин[енных] Штатов совершенно осрамилась на этот раз. Правда, некоторых солдат бунтовщики неприятно зажарили до смерти в Питтсбурге, но и это мало давало остальным право выказываться трусами и удирать по железной дороге в Филадельфию в женских костюмах. Из посланных из Балтимора на поезде солдат некоторые, когда поезд был атакован стачниками, попрыгали с вагонов и разбежались; другие тотчас же сдались на капитуляцию, а один храбрый милиционер так проехал все пространство от Балтимора до последней станции возле Нью-Йорка спрятанный под широкой юбкою некоей сердобольной и толстой *mater familias*¹⁰⁸. И барыня, и ее храбрый рыцарь были оба опозорены в газетах.

Елена Блаватская.

Нью-Йорк, 1 (13) февраля.

III

Буря. – Русский проповедник с еврейской фамилией. Богатство Америки. – Волшебный грот Невады. – Чудовищный магазин Стюарта¹⁰⁹. – Социальная жизнь в Соединенных Штатах. – Обаяние титула. – Смелый проповедник. – Сжигание тел умерших. – Преступления. – Курьезы американской жизни. Религиозная борьба партий. – Юродство спиритов. – Значение денег.

До конца января в Нью-Йорке стояла какая-то юродивая по времени года погода. Было тепло, как летом, даже жарко, и нежная прозрачность воздуха напоминала Италию. Но 24 числа

¹⁰¹ Erie.

¹⁰² Дюма-отца (*фр. père*); речь идет о французском писателе Александре Дюма (1802–1870).

¹⁰³ «Невельская башня» (*фр.*) – пьеса А. Дюма.

¹⁰⁴ Балтимор.

¹⁰⁵ Олбани (*англ. Albany*).

¹⁰⁶ Нью-Джерси (*англ. New Jersey*).

¹⁰⁷ Вандербильт Уильям (1821–1885) – американский железнодорожный магнат.

¹⁰⁸ домохозяйки (*лат.*).

¹⁰⁹ Стюарт Александр (1803–1876) – американский магнат.

1878-й год заявил-таки свои права и надолго дал о себе знать. Небо внезапно нахмурилось, темно-свинцовые тучи окутали, как флером, весь город и повалил снег. Затем разыгралась одна из страшнейших бурь, какую кому когда-либо приходилось видеть. Холодный пронзительный ветер завывал, как голодная стая волков. Ураган несясь со скоростью 69-ти миль в час, и наши городские воздушные железные дороги прекратили поездки, так как серьезно опасались, что ветер свалит вагоны на крыши домов и злополучные головы прохожих. Тяжелые каменные дома дрожали от труб до фундамента; пешеходов уносило с одного тротуара на другой; быстро шагающие почтальоны не могли удержать сумок в руках, и многие письма не достигли до своего назначения. В ночь произошли страшные кораблекрушения: «Метрополис», громадный пароход с 260 пассажирами, идущий в Южную Америку, погиб и с ним около 200 человек почти на том самом месте, где уже в ноябре разбился злополучный «Гурон», сгубив более сотни людей. На протяжении двух миль берег был усеян мертвыми телами, умирающими и обломками от кораблекрушения. Куритак-Бич¹¹⁰ на берегах Северной Каролины останется на долгие годы памятным.

Как уже сказано в прежних письмах, война, перемирие, конференция и даже политические интриги Европы, кроме весьма сенсационных, производят весьма легкое впечатление на граждан Америки. Но что их всегда способно расшевелить, так это всякая пакость, клевета, «сенсация». Появился некто Л.Гунсберг, выдающий себя за русского проповедника (?). Сочинив историю, будто бы месяца три тому назад он должен был спастись из Петербурга, рискуя самой жизнью только за то, что по неосторожности выбрал текстом проповеди «бесполезность коня в сражении и немощность даже самых великих армий», он прямо обратился к петербургскому «обществу человеколюбия». «Я имел в виду, – заявляет он печатно, – лишь одно святое Провидение, против которого ни конь, ни армия не устоят, а правительство увидало в моей проповеди прямой намек на Плевну...» (!!). Заступись кто за Россию – из десяти шансов девять, что не напечатают; является авантюрист – «врет, как сивый мерин» в «Ревизоре», и тотчас же раздаются сожаления, возгласы... Симпатические¹¹¹ рассуждения являются во всех газетах. Проповедник с еврейской фамилией исчез на днях с порядочным кушем «пособий».

Что ж, «пособия» эти, будь они вдесятеро значительнее, страны не разорят. Как в экономии мироздания несокрушима материя, которая постоянно меняет форму, цвета, составные части свои, но все остается той же материей, так кажется несокрушимым и богатство нашей страны. Это какая-то непрерывная, безумная погоня за миллионами, игра в волан и в мяч, во время которой то одного треснет в лоб миллиончиком, то хватит по носу другого, то прямо шлепнется к нему в карман, то вырвется из-под одной руки и попадет в другую... В Неваде открыты неистощимые руды серебра и золота; в Венесуэле образуются компании из Нью-Йорка, и молва гласит, что найдены баснословные сокровища. Некто Алджернон¹¹² Грант, долго живший в дружбе с краснокожими Невады, заявил, что индеец недавно провел его природными подземными ходами и с великой опасностью жизни в одну чудную пещеру. Рассказ проводника его, которому он много лет не верил, оказался действительностью, по собственному выражению, почти что сведшею его с ума. Стены и потолок пещеры буквально покрыты золотом, которое он исчисляет тысячами тонн! Около мили в длину ширина пещеры 150 футов¹¹³ и 75 фут[ов] вышины. Грант, несмотря на невероятность известия, продолжает уверять, что все колонны в пещере обвиты, как древесные стволы лозою, чисто золотой проволокой в палец толщины; стены сияют золотом. Во всяком случае, он привез с собою в Луизвилль¹¹⁴ (Кентукки) несколько сот фунтов¹¹⁵ чистого золота, странная форма которого, совершенно не похожая на обыкновенные куски этого металла в рудниках, чрезвычайно интригует минералогическое общество города¹¹⁶.

¹¹⁰ Кёрритак-Бич (*англ.* Currituck Beach).

¹¹¹ сочувственные.

¹¹² Элджернон (*англ.* Algernon).

¹¹³ Фут – единица измерения расстояния, равная 30,48 см.

¹¹⁴ Луисвилл (*англ.* Louisville).

¹¹⁵ Фунт – единица веса, равная 409,5 г.

¹¹⁶ См., например: A Nevada Cave. Millions Upon Millions of Pure Gold and Silver // The Chicago Tribune, December 23, 1877 (Пещера Невады. Миллионы и миллионы чистого золота и серебра // The Chicago Tribune, 1877, 23 декабря).

Но и без волшебных гротов Невады стóит только приглядеться к торговле в главных магазинах Нью-Йорка, чтобы убедиться в баснословных ресурсах даже обыкновенной торговли красным товаром¹¹⁷. Зайдите к А.Т.Стюарту; обойдите этот громадный дворец, занимающий полквѐра, и судите сами. 150 мужчин и мальчиков постоянно заняты одной лишь упаковкой и завертыванием больших и малых узлов мелочных покупок, которые тут же 50 вагонов и целая армия мальчиков развозят и разносят по домам покупателей. 7000 пакетов отсылаются ежедневно таким образом и столько же уносятся домой самими покупателями. 900 приказчиков стоят или, скорее, судорожно мечутся за прилавками с 8 часов утра до 8 вечера. В верхнем этаже 1000 швей работают за таковым же числом швейных машин, движимых паровой силою; 200 закройщиков постоянно заняты, и если добавить к этому плотников, инженеров, швейцаров и т.д., то легко насчитать в одном лишь этом магазине до 2200 человек на жаловании у Стюарта. Недаром же покойный архимиллионер выстроил целый город – Спринг-Гарденз¹¹⁸, каждый дом в котором его собственность.

Местное духовенство называет «Белое здание» Стюарта преддверием геенны, прихожей нью-йоркских леди и юных мисс в ад! Муж, раз узнав, что жене открыт кредит в этом доме, вырывает у себя пук волос и готовится лопнуть. Это первый шаг к банкротству. Арнольд и Констэбль, соперники Стюарта, и несколько других столь же богатых домов начинают выказывать особенную деятельность с приездом из Европы тех стимеров, на списках коих красуются титулованные имена холостяков. Их коммерческое обоняние до того чутко развито, что они наперед предчувствуют тесную связь между опубликованием вышереченных имен в газетах с немедленным появлением и толкотней в продолжение целых недель в их магазинах всех богатых невест города. Чарльз Диккенс¹¹⁹ давно уже указал, насколько Америка, притворяясь, что смеется над титулами и презирает кровную аристократию, в то же время падка до громких имен, и Диккенс совершенно прав. Хотя здесь и не существует, как в Англии, какой-либо социальной иерархии, кроме демократической, но между принципом и практическим применением этого принципа к делу возвышается несокрушимой скалой женское, да тоже и мужское самолюбие. Именно потому, что титул есть запрещенный конституцией плод, то он и кажется им гораздо слаще. Здесь общественные вожди не выбираются; фавориты дам не предъявляют своих притязаний ни в силу красоты, ни ума, ни образования, ни даже в силу душевных качеств, но всякий из этих вождей – узурпатор поневоле и только вследствие одной слепой фортуны. Родитель, предположим, мистера Калигулы-Байрона-Вашингтона-Сократа-Брауна¹²⁰ был магнатом в одной из усопших компаний. Из дивидендов, промелькнувших под носом акционеров и не попавших им в рот по их глупости, магнат составил себе скромное состояние в двадцать или тридцать миллионов. Желает ли он того или нет, а сын обязан признать себя вождем в своем обществе. Три грозных ареопага – Нью-Йорка, Бостона и Вашингтона, составленные из родительниц с дочерьми, силой возведут его на трон, с высоты которого *volens nolens*¹²¹ он принужден взирать на остальной люд с некоторою долей презрения. Положим, что в силу конституции это презрение опять-таки может показаться лишь номинальным, но в силу свершающихся ежедневно фактов оно далеко не таково. Если кто желает познакомиться с социальной жизнью в Америке наглядно, то пусть представит ее себе в виде длинной лестницы и затем поставит на ней гуськом трех граждан. №1, стоя на верхней перекладине, с умилением взирает ввысь на собственные миллионы. Гражданин №2 лижет подошвы сапог №1 и вместе с тем делает тычка в зубы собственной обувью №3-му, ползущему вслед за ним. Картина вернейшая. Но даже и №1 тотчас же повергнется в прах, коль скоро завидит на горизонте титулованную особу, если только эта личность способна прожить несколько недель в первоклассном нью-йоркском отеле, не воруя носовых платков из карманов своих посетителей.

¹¹⁷ Красный товар (*устар.*) – ткани, мануфактура.

¹¹⁸ Спринг-Гарденс (*англ.* Spring Gardens).

¹¹⁹ Диккенс Чарльз (1812–1870) – английский писатель.

¹²⁰ Гай Юлий Цезарь Август Германик (также известен под своим агноменом (прозвищем) Калигула, 12–41) – римский император с 37 г.

Вашингтон Джордж (1732–1799) – американский государственный деятель, первый президент США (1789–1797).

¹²¹ волей неволей (*лат.*).

Поэтому-то столько «меньших сыновей» Великобритании приезжают в Америку охотиться за буйволами в западных прериях, как только их кредиторы начинают охотиться за ними самими на родине. Крупные миллионы дочерей разбогатевших бакалейщиков переходят в пустые карманы виконтов, лордов и испанских грандов, владельцев богатых *chateaux en Espagne*¹²². Затем миллионы начинают таять, и с последним испарением оных улетучиваются и титулованные мужья, предоставляя покинутым супругам обратиться в департамент разводов...

Насколько дней тому назад на лекции полковника Роберта Ингерсоля¹²³, величайшего оратора-атеиста Америки, три тысячи народа из высших классов культуры душили друг друга в продолжение трех часов в Чикеринг-Голе¹²⁴, а тысяч пять принуждены были вернуться домой за неимением мест. Ингерсоля читал лекцию «Долой религии! Нет ада, Бог – человечество, и нет другого божества», а в антрактах гигантский орган ревел марш и хоры из «Орфея в аду»¹²⁵...

Несмотря на тему лекции, местами до отвращения богохульную, Ингерсоля выказал в одном пассаже речи своей, направленной против материализма и алчности протестантского духовенства, необычайную энергию и храбрость. Одной короткой фразой он обрисовал все нью-йоркское общество, заклеил в сердце каждого честного человека эту мерзейшую черту в янки, черту не только дозволяемую, но даже поощряемую пасторами главным образом модных церквей, и которую они к тому же разделяют и вполне выказывают первые.

– Кому, пасторы, вы сулите ад? – воскликнул лектор, обращаясь к публике, меж которой находилось много духовных особ. – Кто, по вашему мнению, должен быть обреченным на вечные мучения в неугасаемом пламени?.. Уж, конечно, не обладатели миллионов... даже и не те, у кого найдется несколько сот тысяч, хотя бы и уворованных... Кто когда слышал, чтобы кто-либо из нашего духовенства осмелился посулить ад богатому человеку – Стюарту, Вандербильту, Сингеру¹²⁶, оставившему после смерти *девять* вдов и до тридцати детей... Нет, наши духовные отцы посылают в вечный ад лишь одних бездомных бродяг, нищих, горемычных воришек... *Богатых воров они снабжают паспортами прямо в Царствие Небесное!*

Затем он обратился уже прямо к пасторам, которые кисло улыбались, развалившись в креслах, и стал вызывать их – осмелиться назвать по имени хоть одного из богатых людей, умерших в последние годы и известных своими мошенничествами, развратом и бессердечием. «Назовите мне лишь одного из этих финансовых королей, который, по вашему мнению, заслужил как нераскаявшийся грешник муки ада! – рычал оратор. – Пусть, если есть между вами хоть один честный человек, хоть один верный служитель Христа, да встанет он без боязни и трепета перед могуществом мамона¹²⁷ и назовет одну из этих личностей, которые нам все знакомы и имя коих будет долго проклинаемо вдовами и сиротами...», и т.д.

Один за другим стали вставать со своих мест наши преподобные, и хотя глаза трех тысяч человек были устремлены на них, один, другой, третий... вот еще два господина в белых галстуках встали, приосанились и, повернув налево кругом, тихонько исчезли из зала...

У нас начинают серьезно отказываться от традиционного¹²⁸ погребения умерших и принимаются все чаще и чаще сжигать тела в крематориях. Недавно один немец-булочник, почтенный отец семейства, потерял восьмидневного сына и, получив от доктора свидетельство о смерти и дозволение полиции на погребение, деликатно завернул новорожденного в чистый батистовый платок, уложил в сигарный ящик, а затем в железный и при свидетелях предал тело огню, сунув оба ящика в обыкновенную печь вместе с булками. От маленького тела остались всего в 25 минут времени две с половиною унции¹²⁹ пепла, который родители сохраняют в урне под зеркалом. Санитарный департамент было вмешался, но тут же было решено никому не препятствовать в методе последнего распоряжения с телами мертвых. Нашли, что «кремация тел»

¹²² воздушных замков (*фр.*, букв. замков из Испании).

¹²³ Ингерсолл Роберт Грин (Ingersoll, 1833–1899) – американский юрист, оратор, политический и общественный деятель, популяризатор науки.

¹²⁴ Чикеринг-холл (*англ.* Chickering Hall).

¹²⁵ «Орфей в аду» – опера французского композитора Ж.Оффенбаха (1819–1880).

¹²⁶ Зингер Айзек (Singer, 1811–1875) – американский изобретатель и промышленник.

¹²⁷ Мамон (*муж.*, *устар.*, *прост.*) – символ стяжательства и жадности.

¹²⁸ традиционного (*фр.* traditionnel).

¹²⁹ Унция – единица измерения массы, равная 28,35 гр.

даже весьма выгодна в густонаселенных городах, так как этим станет возможным избежать заразных миазмов в воздухе.

На этой неделе произошло несколько новых, но далеко не неожиданных «сенсаций». Олдерман¹³⁰ города Луизвилля, некто Мосс, обвинен и уж признался в подлогах векселей на сумму 80000 долларов. А раз признавшись, он даже развеселился и заметил судьям, что публика должна считать себя весьма счастливой, что так дешево отделалась. «Не будь мне семьдесят два года, – добавил сей маститый старец, – я бы наделал подлогов на сумму вчетверо крупнее настоящей». Excusez du peu¹³¹! И чистосердечно, и верно.

На днях вешают Ранда, молодого и весьма образованного человека, зарезавшего семь особ в продолжение пяти месяцев с прозаической целью грабежа. Дело вдовы Мэриль, оставившей все свое значительное состояние католической церкви, помимо наследников, идет своим чередом. Кардинал Мак-Клоский запутан в оное весьма некрасиво. Повторяется старая история проделок гг. иезуитов с богатыми умирающими барынями, на нервы которых слово «ад» действует неприятным образом. Вдова Мэриль была к тому же протестанткой, и кардинал с клеветами обвиняются в том, что они запугали ее в последние минуты жизни до сумасшествия. Процесс Вандербильта, в котором дело идет о 108 миллионах долларов, тянется, растягивается и затягивается¹³². Фемида решительно бессильна ввиду такого ослепительного куша. Публика начинает подозревать, что, быть может, скатясь, как снежный обвал, несколько миллиончиков, попав меж судей и присяжных, так и застряли там; что они заморозили им мозги, ослепили их и что эта сотня миллионов так и останется у того, кому она менее всего принадлежит.

Если, оставив на время «курьезы» в области миллионеров, мы обратим внимание на обыденные происшествия в среде более скромных граждан, то найдем и здесь чему подивиться. Если не все американцы отъявленные, чистосердечные мормоны, то ведь это только вследствие того, что они себя не желают причислять к этой секте. Редкий гражданин не имеет или не имел трех-четырех разведенных с ним жен. Случается и так, что, живя в одном городе с бывшим мужем, и некоторые из супругов обладают таковым же числом ex-супругов. Я лично знакома с одной весьма уважаемой дамою, «приятной во всех отношениях», которая была замужем и разведена пять раз, а на прошлой неделе вышла замуж за шестого счастливца. Но главная прелесть курьеза состоит в том, что каждый из этих пяти живых покойников обязан по закону выплачивать ей ежемесячно alimony¹³³, т.е. содержание, от 70 до 200 дол[ларов], смотря по состоянию. Развод

---

¹³⁰ Олдерман – член муниципального совета или муниципального собрания в Великобритании и англоязычных странах.

¹³¹ Извините, что так мало (*фр.*).

¹³² В дневнике Олькотта-Блаватской за 1878 г. сделаны записи, связанные с процессом К.Вандербильта:

«11 ноября. <...> В 5 часов пополудни заходил мужчина; он не позволил Джени объявить о его приходе и даже не назвал своего имени; попытался пройти за ней и представиться сам – весьма странно. Он – пожилой, уважаемый, седовласый. Как только сел, спокойно объявил, что явился вручить судебную повестку Е.П.Б[лаватской] по делу Вандербильта!! Е.П.Б[лаватская] сказала ему, что не знакома с Коммодором и никогда его не видела. И все же пожилой мужчина вручил ей бумагу, в которой “народ штата Нью-Йорк” приказывает новой гражданке появиться в суде [по наследственным делам] и рассказать все, что ей известно; после чего он передал ей от имени “народа” серебряный доллар, послал к чертям Бичера* и сказал, что старый Коммодор не лучше**, потом выразил свои комплименты, сказал, что мистер Лорд*** поручил ему передать Е.П.Б[лаватской], что они дадут ей “кучу денег”, если она поможет им выиграть это дело, и – удалился. <...>

12 ноября. Ужасная бессонная ночь из-за холода и кашля. Встала в 8 часов, послала за экипажем и отправилась в офис Лорда на Бродвей, 258; была принята там очень любезно и заключена в объятия; заявила (Е.П.Б[лаватская]), что она ничего не знала; но ее попросили вспомнить и постараться подумать о чем-то!! Ее попросили явиться в суд и снова пообещали деньги.

Е.П.Б[лаватская] явилась в суд и произвела сенсацию, когда уселась в свидетельское кресло. Уильям Вандербильт и адвокаты все время пристально смотрели на нее. Не стала клясться на Библии, объявив себя язычницей. Раздраженно ушла. Адвокат Вандербильта побежал за ней, пытался разжалобить, и был послан к черту. За ее экипажем проследовал еще один экипаж. Пусть подождут дальнейшего развития событий» (Дневники Е.П.Блаватской // Блаватская Е.П. Оккультизм или магия. М., 2007. С. 67).

* Бичер Генри Уорд (1813–1887) – американский религиозный и общественный деятель, писатель.

** Г.У.Бичер имел 10 детей, К.Вандербильт – 12 детей.

*** Скотт Лорд (1820–1885) – американский адвокат и конгрессмен.

¹³³ алименты (*англ.*).

она получала всякий раз на основании того, что у англичан зовется *criminal connection*¹³⁴, неверностью со стороны супруга – в одном случае, за «оскорбление чувств»! Таким образом, моя знакомая сделалась нечто вроде мужевладетельницей и ежемесячно ездит собирать доход с мужей, как другие собирают его с домов. Откажи ей один из них в содержании и его тотчас же засадят в тюрьму за *contempt of court* – презрение к суду. Эта дама одна из главных дам-патронесс «Общества Красного Полумесяца и Креста».

Не желая навлекать на себя подозрение в преувеличении, постараюсь придерживаться лишь тех фактов, которые перешли в область истории. Выбираю самые современные «курьезы». В Америке умеренность в чем бы то ни было неизвестна. Наши граждане уловчаются доводить и великое, и смешное до *pes plus ultra*¹³⁵. Например, в настоящее время идет самая ожесточенная война между консерваторами и либералами или, скорее, между деистами и атеистами. С одной стороны, пасторы разношерстнейших сект, с другой – радикалы, либералы и позитивисты ежедневно доводят дело до драки, первые, требуя, чтобы Всевышний имел право голоса в конституции, а последние, буквально изгоняя даже имя божества из оной в силу национальной конвенции 14 мая 1787 года, принявшей и ратифицировавшей конституцию Соединенных Штатов. Обоюдные обвинения, доносы, проклятия гремят с кафедры и платформы, а пресса, хотя и разделенная на две партии, на религиозную и антирелигиозную, посмеивается над обоими лагерями воюющих. Но и само протестантское духовенство распадается надвое. Консерваторы-пасторы доказывают и требуют права гражданства в религии для ада с его вечным неугасаемым пламенем, черта с раздвоенным хвостом, рогами и легендарным копытом и вечного нескончаемого наказания в будущей жизни, а пасторы-радикалы кричат, что все это метафоры и притчи, и массами переходят в унитариянство¹³⁶, присоединяясь к универсалистам, догматы веры коих равняются нулю. Сумбур в стране необыкновенный. Газеты подстрекают насмешками то одну, то другую из воюющих сторон. А между тем на полдороге меж атеистами и догматиками собираются спиритуалисты, число коих возрастает с каждым днем. Последняя ревизия показала, что их более одиннадцати миллионов в одних северных штатах.

Что такое спиритуалисты? Какая вера у них и существуют ли какие-либо границы между возможным и невозможным? Судите сами. Вот самое замечательное из последних чудес из тысячи других «чудес в решетке». Хотя «свежо предание», а все же всякому «поверится с трудом»...

Несколько месяцев тому назад преподобный д-р Уатсон¹³⁷, пастор епископальной церкви в Мемфисе (Уэст), он же и издатель-редактор журнала «*Spiritual Magazine*» (журнал, посвященный единственно покойным гражданам Америки, отлетевшим в лучшую обитель (иностранцев духов у нас не полагается, вероятно, за отсутствием медиумов-филологов)), [на]печатал следующее заявление. Все верующие города Мемфиса в сообщении мира видимого с миром невидимым, т.е. в факт материализации духов, приглашались почтенным пастырем к нему на квартиру, дабы присутствовать при необыкновенном торжестве. Дух мисс Алисы Робертс, умершей за несколько дней до свадьбы своей с Томасом Муром¹³⁸, поэтом и писателем, выходил замуж за м-ра К.Стильмана, юношу, пока еще обретающегося в живых на нашем шаре!!!!

Дело в том, что вышереченный эфирный «дух», утешившись за такое продолжительное время в измене автора «Лаллы Рука»¹³⁹, влюбился недавно в юного Стильмана, познакомься с ним в темном «кабинете» некоего медиума женского пола. А раз познакомься и убедясь, что ему платят взаимностью, влюбленный дух, как оно и подобает благовоспитанной экс-барышне, даже и в разжижено-флюидической оболочке, решил во избежание скандала в верхнем, как и в нижнем ярусе мироздания, выйти законным образом замуж.

Собрались гости – человек до трехсот – и все высшая интеллигенция – отборные «мозги» спиритов-испытателей. Два длинных стола, уставленные пирожными, фруктами и винами, стояли между занавесью кабинета (в коем «невидимые» облакаются на время в видимую оболочку) и

¹³⁴ внебрачной связью (англ.).

¹³⁵ крайних пределов (лат.).

¹³⁶ Унитариянство – движение в протестантизме, основанное на неприятии догмата о Троице, учения о грехопадении и таинств.

¹³⁷ Уотсон Самюэль (Watson, 1813–1895) – редактор журнала «*American Spiritual Magazine*».

¹³⁸ Мур Томас (1779–1852) – ирландский поэт.

¹³⁹ «Лалла Рук» – роман Т.Мура.

зрителями. Мистрис Мюмгер-медиум уселась за занавесью, и через несколько минут вышло из «кабинета» шесть прелестных, одетых в бальные платья девиц-«духов». То были подруги «невесты-духа». Наконец, вышла и она сама, покрытая длинным вуалем¹⁴⁰, «блистая юностью и красотой». Начались «shake hands», рукопожатия, и затем ввиду того, что невеста могла с одной минуты до другой разлететься в пух, быстро приступили к брачной церемонии. Преподоб[ный] пастор соединил руки живого жениха и мертвой невесты, и в несколько минут два существа были превращены в единое. По окончании церемонии все бросились целовать невесту с поздравлениями, – все, кроме жениха, – и до того зацеловали, что она почти вся испарилась и принуждена была несколько раз уходить в кабинет для «укрепления временной плоти»... Затем, выпив вина, закусив пирожным и поспешно попрощавшись, она окончательно исчезла.

«Мы наперед знаем, – писал в то время преподоб[ный] Уатсон, – что многие скептики подымут нас на смех. Но никто из тех, кто искренно верует, что Христос обратил воду в вино и что обещание Его ученикам на последней трапезе пить вместе с ними оное в Царствии Небесном – не одна лишь пустая бессмысленная фраза, но факт, который, вероятно, и был выполнен учителем после смерти апостолов в его буквальном смысле, не станет смеяться, но еще тверже уверует, “что загробный мир есть лишь верное отражение мира земного”»...

Преподобный «спирит», вероятно, забыл, что Христос произнес и другие столь же памятные слова, а именно: что в Царствии Небесном не женятся и не выходят замуж, но живут, как ангелы небесные...

Эта, по мнению многих, как и по моему собственному скромному мнению, богохульная пародия кончилась трагикомедией. Супруг «невесты-духа», соскучась браком, в продолжение которого каждое свидание с женою-призраком обходилось ему в 5 долларов и не могло обойтись без необходимого присутствия медиума, женился недавно на живой жене. Д-р Уатсон, подстрекаемый целою ватагою «спиритуалистов», подал в суд обвинение на Стильмана в двоеженстве. Интересно будет узнать, как отнесутся к этому делу судьи Мемфиса и какой будет вынесен приговор присяжными!

А между тем, пока решаются миллионные дела, «ад» разрушается до основания, а бестелесные «духи» выходят замуж и женятся, у маленьких людишек в Америке – где тонко, там и рвется, как в халдейской России. У нас, как, впрочем, и приличествует антиподам, все идет шиворот-навыворот да вверх ногами, в доказательство чего приведу следующий и последний «куръез». Грязная, однодолларная бумажка принимается в торговле за 100 центов и считается по курсу за 98, а новый серебряный доллар, царь-красавец между монетами, упал до 90 центов. Владетели невадских рудников, которые и затеяли всю эту кутерьму о «серебряном вопросе», остались с носом. Вздудили лишь еще круглее карманы у одних богатых «politicians»¹⁴¹ да у некоторых сенаторов. А бедный человек, получавший жалованье за последнее время звонкой монетой, потерял, быть может, с последнего доллара десять процентов!

Что вору сходит с рук,
За то воришку бьют¹⁴²...

получает в Америке необыкновенное значение.

Елена Блаватская.

Нью-Йорк, 14/26 февраля.

¹⁴⁰ В дореволюционной России существительное «вуаль» могло использоваться как существительное мужского рода.

¹⁴¹ «политиков» (англ.).

¹⁴² Слова из басни «Вороненок» И.А.Крылова.

IV

Смерть атамана республиканцев Туида¹⁴³. – Самоубийство мадам Рестель¹⁴⁴ и 22000 убийств, совершенных ею. – Мнение насчет этого граждан и гражданок. – Фарисеи Нью-Йорка. – Дамы на балах и дамы у себя. – Секты Америки и наши раскольники. – Христианская проповедница вдова Ван Котт и лектор-атеист.

Нью-Йорк страшно взволнован. Нью-Йорк, сердце и пульс Соед[иненных] Штатов, лихорадочно трепещет. Забыв о текущих делах, об угрожающей стране банкротстве, о «серебряном вопросе», о Гейзе¹⁴⁵ с его нечистой на руку партией и даже о процессе 100-миллионного наследства Командора Вандербильта, Нью-Йорк вполне предался блаженству сенсационных пересудов – *post mortem*¹⁴⁶. Все ступало, все съехало на задний план перед неожиданной и трагической кончиной двух знаменитых граждан: 1) достопочтенного Вильяма Туида в тюрьме, где он умер, кто говорит – от яда, кто – от горя, на 72 году от рождения и в ту самую минуту, когда обещанием открыть весь заговор и назвать заговорщиков он так обрадовал измученных им судей; и 2) г-жи Рестель, 80-летней миллионерки, совершившей самоубийство по всем правилам древних стоиков – в ванне, перерезав себе артерии на руках и ногах...

Вильям Туид в продолжение семи лет был мощным рычагом отныне навеки знаменитой шайки, известной под названием Tammany-Ring, т.е. «кольца Таммани». Кольцами у нас зовутся партии, составленные из официальных лиц – политических и правительственных мошенников, часто занимающих самые высокие должности; названы же они так потому, что замкнутая линия кольца образована из такой сплошной стены заговорщиков или рингменов¹⁴⁷, как их зовут, что через нее совершенно невозможно пробиться, пока они честно делятся награбленной наживой, ни обворовываемому ими народу, ни даже самому правосудию, так как высшие места в судах часто бывают занимаемы самими же заговорщиками.

По единодушным отзывам прессы, наглая дерзость подобных «рингменов», колец, покрывающих густой сетью страну во всех направлениях, их методически выполняемая программа разбоя среди белого дня и строгая система «мытья» одной руки другою давно уже толкнули республику на край гибели как в политическом, так и в финансовом отношении. Это факт, признанный всеми. В пять лет суда над рингменами из пятидесяти исчезнувших миллионов дол[ларов] успели вернуть кое-как, запугиванием менее виновных участников, всего 1200000 д[олларов], да и то истратив на судебные издержки более 400 тыс[яч] д[олларов]. Из самого Туида не выдавили назад ни гроша. Вчера объявляли публично о смерти его в Сити-холле (городском суде), здании, выстроенном покойником, которое, по словам газеты «World», останется навеки памятником позора республики и за сооружение и меблировку которого город заплатил по счетам «за несколько сот миль ковров, за несколько гор извести, за десяток пирамид тесаного камня и за целый девственный лес стульев». Со смертью атамана канули и все концы в воду. К тому же, разве у нас не вырастают «кольца» в каждой администрации и во всяком штате, как грибы после дождя? Туида долго называли королем Нью-Йорка, и теперь газеты имеют полное право провозглашать: «Le roi est mort!.. Vive le roi!»¹⁴⁸

Другой покойник – Рестель. Не менее самого нью-йоркского «короля» она останется навеки знаменитой в летописях республики. Говорят, что про покойников дурно отзываться не следует, но в настоящем случае древнее изречение «*de mortuis nil nisi bonum dicere*»¹⁴⁹ является учением и эгоистическим, и вместе безнравственным, позволяя каждому «будущему» покойнику надеяться, что все грехи, все зло, сделанное им обществом, одним фактом смерти его будут если не бесследно

¹⁴³ Твид Уильям (Tweed, 1823–1878) – один из самых беспринципных за всю историю американских политиков, глава так называемой «шайки Твида», его имя стало нарицательным для обозначения политической коррупции.

¹⁴⁴ Ломан Энн Трой (мадам Рестелл, 1812–1878) – американская акушерка.

¹⁴⁵ Хейс Ратерфорд Бёрчард (1822–1893) – американский государственный и политический деятель, девятнадцатый президент США (1877–1881).

¹⁴⁶ посмертных (англ.).

¹⁴⁷ ring-man (англ.).

¹⁴⁸ «Король умер!.. Да здравствует король!» (фр.).

¹⁴⁹ о мертвых говорят ничего, кроме хорошего (лат.).

вычеркнутыми из памяти людской, то, по крайней мере, обойденными суеверным молчанием. Выказывая подобное неразумное уважение к смерти каждого, и правого и виноватого, публика лишает будущие поколения возможности пользоваться уроками, полученными их предками. Еще недавно г-жа Рестель, имя которой попросту Анна Лохман, была идолом пляшущих и веселящихся женских членов высшего бомонда. Бедная крестьянка, она приехала 58 лет тому назад из Ирландии и поступила служанкой к аптекарю. Затем вышла замуж за его помощника, поступила на медицинский факультет, через год¹⁵⁰ получила звание доктора медицины и акушерки, прокатилась за границу, вернувшись, переименовала имя и быстро стала наживать деньги. Дом за домом, дворец за дворцом строила себе бывшая служанка. Практика ее росла не по дням, а по часам. Но странное дело: молва носилась, будто бы трудно было насчитать и одну дюжину живых детей, принятых ею во все 45 лет ее практики. По словам летописцев и показаниям ныне захваченных полицией счетных книг ее, она лечила у себя круглым счетом от пяти до шести сот пациенток в год, из чего явствует, что в это сорокапятилетие успешной карьеры почтенная Рестель умертвила в зародыше от 22 до 23000 граждан и гражданок Соединенных Штатов!

Главный курьез состоит в том, что ведь все это происходило и бесконфузно, и с прелестнейшей откровенностью. Ее профессия, далеко не беспримерная у нас, была хорошо известна всем и каждому, и, несмотря на то, что имя ее редко произносилось без сомнительно-язвительной улыбки, это не мешало ей быть принятой всеми. Нью-йоркский «Herald» целых сорок пять лет ежедневно печатал на столбцах своей знаменитой газеты *объявления* Рестель, сулящие дамам «silence» и «discretion»¹⁵¹, и получал от нее за это регулярно по две тысячи дол[ларов] в год...

Но вот в один злосчастный для нее день некто Комсток¹⁵², агент общества¹⁵³, «обвинитель публичной безнравственности», переодевшись, пошел к ней поздно вечером и со слезами крокодила стал умолять ее спасти от бесчестия юную и весьма богатую барышню. Приказав людям приготовить у себя в доме комнату для сего «погибшего, но милого создания», старуха дала Комстоку на первый случай склянку с лекарством, получила за нее 25 дол[ларов] и была тут же арестована. Проночевав в тюрьме, на другое утро она была выпущена на поруки, вернулась домой, заказала лукулловский ужин, а затем послала за нотариусом. Сделав духовное завещание, в котором она разделила поровну дома, брильянты и миллионы между детьми и внуками, она, поужинав, отправилась спать. На другое утро ее нашли, как Марата¹⁵⁴, плавающей в ванне в собственной крови...

Все женское население (*бомонда*, конечно) с проклятиями и скрежетом зубным восстало против Комстока. Дамы собираются воздвигнуть старой Рестель памятник как «мученице», доведенной до самоубийства преследованиями «низкого шпиона». Она была – «*amie de l'humanité souffrante*»¹⁵⁵, другом человечества и особенно страждущей, любящей и столь часто обманутой женщины!! Сколько семейств избавлено ею от обременительной ватаги детей... Сколько девиц спасено ею от публичного бесчестия!.. Несчастливая... *Святая* наша... Мученица!!

Три дня уже как раздаются подобные восклицания, и мне приходится слышать их с утра до ночи. Туида – похоронили франкмасоны и с флагом *чести*!!! Рестельшу – католики с внушительной церемонией, хором итальянских певцов, с сопровождением нескольких дюжин патеров, со свечами, а главное, с плачем и горячими слезами девиц и леди, которые тут же на кладбище требовали *правосудия* и наказания убийцы Комстока¹⁵⁶.

¹⁵⁰ В Америке и в шесть месяцев женщина может сделаться доктором медицины, получить диплом и подписываться. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁵¹ «молчание» и «осторожность» (*англ.*).

¹⁵² Комсток Энтони (1844–1915) – американский социальный реформатор и борец с пороками общества.

¹⁵³ «Общество борьбы с безнравственностью».

¹⁵⁴ Марат Жан-Поль (1743–1793) – политический деятель эпохи Великой французской революции, врач, радикальный журналист, один из лидеров якобинцев. Страдая от тяжелой кожной болезни, Марат не выходил из дома и для облегчения страданий постоянно принимал ванны; во время одной из них 13 июля 1793 г., его посетительница, дворянка Шарлотта Корде, предложила ему новый список «врагов народа». Пока Марат записывал их имена, Шарлотта заколола его кинжалом.

¹⁵⁵ «другом страждущего человечества» (*фр.*).

¹⁵⁶ Фрагмент о Рестелл пересказала газета «Кавказ» (1878, №143, 25 июня) в заметке «Благоделница великосветских женщин», сославшись на корреспондента «Правды» из Нью-Йорка.

О милые, мягкосердечные американки! Не правда ли, какие высокогуманные, нравственные понятия о христианском долге, о добре и зле вообще и человеческих обязанностях в особенности? Не далее как вчера шли горячие рассуждения между двумя почтенными отцами семейств о «позволительности и даже подчас *необходимости* подобных мер при небольших средствах супругов или в случае неосторожного – faux pas¹⁵⁷ – невинных юниц». Конечно, несправедливо обвинять одну Рестель: не было бы спроса, не было бы и предложения. Только, позвольте: неужели возможно после того требовать от не американца, чтобы он взирал на нашу страну как на христианское или даже цивилизованное государство? И эти самые книжники и фарисеи, рассуждающие так хладнокровно и с зубочисткой во рту о необходимости детоубийства, жертвуют каждое воскресенье громадные суммы на миссионерские общества. Они посылают легионы христианских просветителей к идолопоклонникам в Индию, на острова и в Китай (где умирающие с голоду сыны Небесной империи иногда убивают детей на съедение) с целью смягчить сердца язычников, указать и объяснить им весь ужас подобного преступления – греха детоубийства!

Но зато, что за атмосфера *внешней* святости, какая смесь пуританского *канта*¹⁵⁸ – наследия великобританских предков и тартюфовой¹⁵⁹ скромности с примесью вдобавок принадлежащего одному американскому обществу «собственного запаха», как у гоголевского Петрушки¹⁶⁰! Этот запах так и бьет в нос, как газ из бутылки сельтерской воды, и надо приучаться к нему, чтобы не задохнуться с непривычки. Таких prudes u collets montés¹⁶¹, как американские леди на словах, и со свечой не отыщете нигде. На балы являются полунагие, буквально в одном кушаке¹⁶², в сафьянных, невыразимых телесного цвета [брюках] и в обтяжку, как трико, на которые наброшена тончайшая юбка вся в фалбалах¹⁶³, до того узкая, что еле ногами могут передвигать, и ничего, потому – *мода*... А заговори при этих же дамах о *ногах* – уж кажется, что невиннее может быть этого? – так в обморок попадают, покраснеют так, что вся штукатурка с лица и шеи посыплется. Не смей-де произносить в благовоспитанном обществе такого непристойного слова, не дерзай жаловаться, что вот, например, у тебя ноги болят, а говори вместо этого: мои члены устали – «limbs»¹⁶⁴. Да у нас в богоспасаемом граде Нью-Йорке благоприличная персона не отважится заговорить при дамах даже о *ножках* фортепьяно, стола или стула!

Какой-то любитель парадоксов назвал Америку тюрьмой свободы, и ничего не может быть вернее. Вся эта пресловутая свобода на одних словах: можете делать все, что угодно, с тем условием, однако, чтобы никогда и ни в каком случае не переступать границ, установленных общественной рутинной. А границы-то, что твоя Черногория¹⁶⁵! Как китайской стеной окружило себя здешнее так называемое «респектабельное» общество, вздохнуть невозможно. Как у спиритуалистов, так и у этих пуритан общественная жизнь разделена на мир видимый и мир невидимый. В последнем хоть сапоги глотай с патокой¹⁶⁶ да кувыркайся, высунув язык, глумясь над всеми приличиями. Свободны в полном значении этого слова одни лишь ирландцы, коли успели увернуться из-под железной лапы патеров, да «леди» и «джентльмены» из простого народа, особенно негры, которые, как евреи в Одессе термином «жид», обижаются названием негра; поэтому, ради избегания скандалов и даже судебного преследования все обязаны именовать их «цветными господами» – coloured gents. Играть в карты не только женщине, но и мужчине из хорошего общества – смертный грех: на это есть игорные дома, на которые полиция совершает периодические набеги и сажает игроков в тюрьму, конечно, лишь пока не откупятся. Курить женщине позор, shocking! Поэтому наши бонтонные леди и курят запоем только спрятавшись, и не

¹⁵⁷ ложного шага (*фр.*).

¹⁵⁸ *Блаватская Е.П.* Англичане и русские // Новое время, 1887, №4228, 5 декабря.

¹⁵⁹ По имени героя комедии Мольера «Тартюф», символа лицемерия и ханжества.

¹⁶⁰ Петрушка – слуга Чичикова из романа Н.В.Гоголя «Мертвые души».

¹⁶¹ недоступных и чопорных (*фр.*).

¹⁶² Кушак – пояс из широкого длинного куска материи, шнура или ремня.

¹⁶³ Фалбала (*фр.* falbala) – оборка, которой отделявались юбки, чепцы, белье.

¹⁶⁴ «конечности» (*англ.*).

¹⁶⁵ Черногория – небольшое государство в юго-восточной Европе, в настоящее время протяженность ее границ составляет 614 км.

¹⁶⁶ Возможно, отсылка к русской пословице: с медом и лапоть съешь.

только курят, но под предлогом расстроенных нервов опиваются морфием, эфиром, аммониаком и опиумом; и часто даже так пристращаются к этим «лекарствам», что у них дело доходит до «чертиков» и они кончают в доме умалишенных. В прошлом году было несколько примеров, но все это делается втайне; зато в обществе дамам дозволено чрезвычайно странная привычка. Многие из северных и положительно все из южных штатов дамы целые дни мажут себе зубы, – коли *собственные* имеются впрочем, так как натуральные зубы составляют у нас исключение, – мерзейшим красно-желтым порошком из каких-то пережженных растений и жуют оный в публице, не стесняясь.

Как показано выше, Нью-Йорк в политике, в литературе, во всех вопросах моды и общественной жизни – пульс всей Америки. Все прочие города, не исключая даже современных Афин – Бостона, одни более или менее верные зеркала, отражающие законодательный лик Нью-Йорка. Поэтому, говоря об обществе последнего, мы подразумеваем все американское общество. Но последнее разделено на секции и партии, а именно: на деистов, благосклонно дозволяющих Господу Богу некоторый шанс «быть или не быть», на ярых «атеистов-иконокластов»¹⁶⁷, тотчас же начинающих вспоминать «восходящих родителей» – дурака, который осмеливается в их присутствии заявлять о своей вере, и на пуритан *pur sang*¹⁶⁸, ханжество которых уже не знает границ.

Принадлежащие к этой партии общества граждане громко похваляются тем, что их нога никогда не бывала ни в театре, ни на одном балу, ни даже на концерте. По воскресеньям, кроме троекратного хождения в «храм», даже детей не выпускают ни на улицу, ни в сад, боясь, чтобы который-нибудь из них не сорвал листка или растения и не принялся играть и тем самым не нарушил святости «шабаша»¹⁶⁹. Запершись по комнатам с закрытыми ставнями, они весь день проводят неподвижно, не принимая даже близких родных. Эти-то богобоязненные граждане первые, впрочем, плуты в будничные дни и мутят конгресс постоянно, посылая ему билли о наложении запрещения то на то, то на другое. Вследствие этого деисты, атеисты и спиритуалисты и принуждены есть по воскресеньям черствый хлеб, не получать писем (разноска запрещена) и коротать время пьянством в частных домах, так как по вечерам даже все рестораны закрыты. В Новой Англии¹⁷⁰ так еще хуже: там не дозволено даже коров доить! И оно понятно, когда вспомнишь, что эти сыны *свободы*, завоевавшие независимость республики, еще в прошлом столетии сожигали и вешали (в Салеме Нов[ой] Англии, напр[имер]) всех заподозренных в кощунстве; обвинение в оном иногда просто означало вольнодумство или прегрешение против шабаша. Несколько месяцев тому назад в небольшом местечке Новой Англии к одному старому и уважаемому доктору ворвались ночью десять замаскированных человек. Схватив и связав старика, они завезли его в глухой лес, раздели донага, привязали к дереву и засекали до смерти. На третий день нашли труп несчастного с привязанной к груди запиской: «Так поступаем мы, ревностные слуги Господа Бога нашего, Христа Спасителя, со всеми вольнодумцами и нарушителями священного шабаша. Так станем мы поступать и впредь».

Вот вам и свобода! Сам президент Гейз с супругой – величайшие фанатики-методисты. Каждое воскресенье почтенный президент – «*de juri*»¹⁷¹, как его называют, – завоевав Белый дом мошенническим способом, отправляется с целой ватагой сикофантов¹⁷² троекратно в церковь, должно полагать, замаливать свой президентский грех. Там, по обычаю методистов, он входит под конец службы в религиозное беснование и начинает с прочими прихожанами подсакивать, потеть, затем прыгать на два аршина¹⁷³ над землей и ловить руками воображаемого «Христа за ноги» (*sic!*). Вино за президентским столом строго запрещено. Оно не подается даже почетным гостям-иностранцам. Гейзы – члены общества трезвости.

Других же праздников, кроме воскресных «шабашей», у них, кроме 4 июля, Дня

¹⁶⁷ бунтарей, иконоборцев (*англ.* iconoclast).

¹⁶⁸ чистейших; букв. чистая кровь (*фр.*).

¹⁶⁹ Шабаш (*др.-евр.* *schabath* суббота) – священный день отдохновения (суббота у евреев, воскресенье у христиан, пятница у магометан).

¹⁷⁰ Новая Англия – регион на северо-востоке США, в который входят 6 штатов.

¹⁷¹ формально (*лат.*).

¹⁷² Сикофант (*греч.* *σικοφάντης*, от *σῖκον* фи́га и *φαίνω* доношу) – доносчик, клеветник, шантажист.

¹⁷³ Аршин – старорусская мера длины, равная 0,71 м.

независимости, Нового года да еще какого-то ноябрьского праздника с гусем и изюмом¹⁷⁴, и в заведении нет.

Не случись так, что Светлое Воскресенье совпадает с днем их «шабаша», все лавки были бы отворены и народонаселение работало бы, как оно работает в Рождество, праздновать которое у пресвитерианцев¹⁷⁵ считается грехом.

Зато нигде не найти такого распространения религиозных сект, как в Америке. По последней переписи (1875 г.) народонаселения найдено до 43 сект.

Любители психологических проблем и гг. психиатры приглашаются к нам в Америку для полнейшего изучения циркомволюции¹⁷⁶ человеческих мозгов. Нигде не найти им обильнейшего поля для экспериментальной практики, как в игре фантазии и бездонной изобретательности американцев. Жаль, что Герберт Спенсер¹⁷⁷ не изучал их отдельно от остального человечества, иначе бы его теория «нервно-психической эволюции» явилась еще в более законченном виде, так как ни один янки не умирает в вере, в которой родился. Попеременно присоединяясь к каждой секте и искренно веря, что нашел, наконец, истину, он каждый раз кричит: «Эврика!» И все это миссионерствует, вербует прозелитов, ругаясь на публичных платформах и в печати самыми непечатными словами.

Русским газетам, которые, описывая даже самые обыкновенные происшествия, имеют похвальную привычку ставить вместо собственного имени одни заглавные буквы, далеко еще до американской прессы. Трудненько выйдет тягаться с нею даже и тем из ваших газет, у которых ругательная фразеология торговков гнилыми яблоками так и просвечивает в каждой строчке.

Елена Блаватская.

Нью-Йорк, 18 (30) апреля.

V

Томас А.Эдисон¹⁷⁸, изобретатель фонографа.

Если принять во внимание только практические применения фонографа к самым обыденным потребностям образованного человечества, то уж по одному этому Т.А.Эдисон должен стать в ряду величайших благотворителей общества. В нашем веке как изобретатель самого полезного инструмента он, несомненно, стоит на высочайшей ступени славы. Упростив до *plus ultra* способ письма, корреспонденций и торговых сообщений, он, так сказать, одарил каждого занятого человека десятком, если не более, лишних годов жизни и, указав на средство вести дела, сократив расходы на три четверти обыкновенно исстрачиваемых сумм, он этим самым широко открыл двери для честной индустрии всякому, для кого она доселе была недоступной. Так как не только ваши читатели, но и никто еще в России до сих пор не успел вполне ознакомиться с новым изобретением, то позвольте мне первой, лично знающей и даже пользующейся дружбой Томаса Эдисона, сказав предварительно несколько слов о нем самом, познакомить читателей «Правды» с собственными слов изобретателя с переворотами, которые сулит свету его чудное изобретение.

Тому Альве Эдисону, родившемуся в *Огайо* в 1847 году, теперь 31 год от роду. От 8 до 18 лет мальчиком он еще должен был по бедности родителей зарабатывать свой хлеб собственным трудом: он сделался уличным разносчиком и продавцом газет. Затем, заметив в нем необыкновенные способности, инспектор телеграфной станции, куда он поступил в 18 лет для

¹⁷⁴ День благодарения – государственный праздник в США, отмечается в четвертый четверг ноября в США, символами праздника являются фаршированная индейка с клюквенным сиропом и большой сладкий тыквенный пирог.

¹⁷⁵ Пресвитерианцы (от *греч.* *πρεσβύτερος* старший) – последователи пресвитерианства, одного из направлений протестантской конфессии.

¹⁷⁶ вращения (*англ.* *circumvolution*).

¹⁷⁷ Спенсер Герберт (1820–1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма.

¹⁷⁸ Эдисон Томас Алва (1847–1931) – американский изобретатель в области электротехники и предприниматель, основатель крупных электротехнических компаний.

разноски телеграмм по домам, велел учить его телеграфии, а в 1867 г., т.е. два года спустя, он уже изобрел средство передавать одновременно по одной и той же проволоке две разные депеши! Иными словами, мальчик успел сделать то, в чем до него самые ученые физики и эксперты телеграфного искусства встречали неудачу! В 1869 г. на собранные трудом деньги, оставив место, он обзавелся собственной маленькой лабораторией, а в настоящем году, еле девять лет после этого, его провозглашают величайшим электрологом и изобретателем.

Заметив, что репортеры, которых он весьма недолюбливает, начинают путать сведения насчет фонографа, он решил описать свой инструмент сам, а вместе с тем и приготовить публику ко многому такому, за что еще сто лет тому назад его сожгли бы на костре как колдуна. Вынужденная сократить слишком длинную статью Эдисона, я передаю ее, однако, не выпустив из нее ни одного важного или интересующего читателя пункта.

Из многочисленных изобретений Т.Эдисона ни одно еще доселе не приковывало к себе такого общего внимания, как последнее – фонограф. Такой всеобщий интерес к новоизобретенному инструменту автор статьи относит к двум причинам. Во-первых, к совершенно исключительным свойствам инструмента, а затем к уже доказанной опытом неограниченной применимости основного принципа фонографа, именно: собрание и задержание всякого рода звуков, доселе считаемых мимолетными и тут же исчезающими, и воспроизведение таких звуков по воле человека.

Изобилие догадок, гипотез и пророческих обещаний, столь щедро распускаемых местной, как и заграничной прессой, много способствовало тому, чтобы окончательно запутать публику на счет фонографа. Такая масса не фактов, а самых разнородных, одно другому противоречащих мнений, само собой разумеется, предоставляет читателю гораздо менее шансов составить себе ясное понятие как о самом инструменте, так и о практической пользе его, нежели описание аппарата в пределах объявлений об известном числе специфических целей и применений его к различным отраслям искусства. Такой несдержанностью в выражениях пресса серьезно угрожает уменьшить интерес в публике: видя в подобной третировке¹⁷⁹ серьезного предмета как бы насмешку над изобретением, она начинает подозревать во всем этом одну журнальную «утку» и относится к вопросу с недоверием.

Вследствие этого Т.Эдисон и решил выступить сам перед публикой, чтобы дать ей самое верное понятие о своем открытии.

Уже и в настоящем виде изобретателем достигнуты многие результаты; другие столь же полезные результаты, видимо, достигаются; а есть и много таких, которые, причисленные сегодня к категории «возможностей», завтра могут очутиться в рядах «вероятностей», а еще немного позже уже станут свершившимися фактами...

Если цель воспроизведения звуков – желание сделать их совершенно громкими и ясными для целой аудитории или театра, то для этого необходима значительная сила в первоначально употребляемых голосах или других звуках во время передавания их в аппарат. Но если подобное воспроизведение предназначено лишь для небольшого числа особ, имеющих близкий доступ к фонографу, то для такой цели достаточно обыкновенного разговорного тона. Часто даже самый тихий шепот был ясно передаваем спустя целые недели. В обоих случаях, разговор ли это, песня или целый хор голосов, он должен быть продекламирован или пропет прямо в отверстие трубы инструмента. Было, однако, уже достигнуто и следующее: разговор нескольких особ на расстоянии от 4-х до 16-ти футов от аппарата, обращенных лицом к отверстию, был весьма ясно зарегистрирован иглою и затем передан совершенно аккуратно. Для достижения подобной цели и воспроизведения даже шепота в большой зале достаточно было заменить мундштук или туб отверстия большой воронкообразной трубой с широко расходящимися краями. Последняя притягивала и втягивала в себя звуковые волны. Для этого изобретателю потребовалось сооружение новых, чрезвычайно деликатных диафрагмы и накалывающей звуку иглы или стального остря...

Предоставляем реестр уже достигнутых фонографом результатов:

1) Задержание всевозможных звуковых волн, доселе считавшихся бегло преходящими, и их окончательное удержание – «пленение», как выражается Эдисон, – хоть на тысячи лет. Оно

¹⁷⁹ третирувания (*фр. traïter*).

зависит от прочности накальваемого листа. Такие листы уже продаются.

2) Произвольное воспроизведение этих волн со всеми характеристическими чертами всякого отдельного звука без присутствия или согласия первоначальных производителей или источников этих звуков. Воспроизведение звуков может происходить по прошествии какого угодно периода времени и число таковых воспроизведений неограниченно.

3) Передача «заполненных» звуков в письме посредством обыкновенного почтового способа в конверте. Вместо письма корреспондента слышится его собственный голос и получающий его может даже и не уметь читать. Для слепых и людей со слабым зрением подобная корреспонденция незаменима. Дешевизна металлических листов, заменяющих бумагу, замечательна и делает их доступными каждому.

4) Неопределенное и даже безграничное число оригиналов, писем или документов, накальваемых за раз, умножение их посредством электротипа и *бессмертия* голосов и мыслей людей, оставляющих после себя навеки вечные неразрушимые следы потомству.

5) Поимка всяких звуков – речи, пенья, документальных свидетельств и проч. с согласия, как и без согласия самих говорящих.

Вероятное применение вышеисчисленных свойств фонографа к различным ветвям коммерческой и научной индустрии и семейного комфорта требует более или менее тонких механических соображений, но практическая польза их неисчислима. Так, напр[имер], писание и рукописи целых сочинений, диктовка документов и книг, трудная обязанность профессоров и учителей, повторяющих много раз одну и ту же лекцию или урок ученикам; замена голоса живого чтеца голосом аппарата и искусной игры артистов на различных инструментах игрою фонографа, – игрою, повторяемой *ad infinitum*¹⁸⁰ с верностью, которой не мог бы достичь в другой раз и сам исполнитель, и спустя сколько угодно столетий; семейные летописи обыкновенных, как и великих людей; аккуратные дневники жизни, изустно передаваемые каждый вечер перед сном и даже в постели; духовные завещания; электротипные применения, как, напр[имер], книги, музыкальные шкатулки, игрушки для детей, часы, сигналы на железных дорогах и на море; проповеди, повторяемые голосом проповедника без присутствия говорящего; коммерческие объявления каждые четверть часа на улицах устроенным для этого аппаратом у дверей конторы или магазина или даже в автоматах, и проч., и проч., и проч.

Но самая практическая неопровержимая заслуга фонографа является в том, что он заменит во всем коммерческом мире и клерков, и наемных писцов. Документы, для составления которых донныне требовались приказчики, писцы, бумага, чернила, перья, а главное – постоянное присутствие самих принципалов¹⁸¹ или главных помощников, будут составляться фонографами.

Вот как описывает Эдисон и новый инструмент, и разнохарактерные выгоды его.

Общие начала постройки аппарата суть: плоская металлическая пластина или диск, покрытый спиральными желобками. Оперированные часовыми колесами или прибором, находящимся под этой пластинкой, желобки вырезаны очень близко один возле другого, чтобы в сумме получилось более места на сколь возможно меньшей поверхности. Аккуратное исчисление слов, уместяющихся на металлических листах фонографов (уже вошедших в общее употребление), показывает 40000 слов. Так как величина таких листов пока всего в десять квадратных вершков¹⁸², то и цена им столь ничтожная, что даже если записывать на каждом не более 100 слов, то все-таки в этом окажется громадная экономия в сравнении с ценой самой простой бумаги и перьев.

Практическое применение письма к фонографу весьма просто. Оловянный гладкий лист кладется вовнутрь инструмента; механизм заводится и тут же игла начинает записывание, т.е. отпечатывание на листе, как резцом гравера, малейшего ловащегося инструментом звука. Изустная диктовка чего-либо в трубу фонографа представляется ничем не затруднительнее простой диктовки стенографу и легче диктовки с обязательными расстановками секретарю. Затем лист вынимается, и если это письмо или документ, предназначенный корреспонденту, то оно кладется сложенным в простой конверт и отсылается по назначению. Получив его, ваш корреспондент, распечатав конверт, в свою очередь кладет лист в собственный фонограф, заводит

¹⁸⁰ до бесконечности (*лат.*).

¹⁸¹ Принципал (*лат. principalis* главный) – хозяин.

¹⁸² Вершок – старорусская мера длины, равная 4,445 см.

механизм и слушает то, что ему передает живой голос. Говорю «живой», ибо, так сказать, пойманный и кристаллизованный звук вновь воскресает под волшебной силой механизма и снова живет. То голос живого человека со всей его характеристикой, манерой и до малейшей инфлексии¹⁸³; подлог, если голос знаком слушателю, невозможен. Так как это письмо может сохраняться неопределенное время, то оно является настоящим живым документом, пока не испортится сам лист, а теперь уже найдено средство готовить такие листы, что они становятся несокрушимыми: их будет невозможно ни разорвать, ни сжечь, и даже находясь долгое время под водой, они не потеряют ни одного звука. Умножение таких документов не представляет ни малейшего затруднения, так как игла регистрирует на нескольких листах за раз так же легко, как и на одном. Принципалы торговых домов, бывшие до сих пор вынужденными доверять свои самые значительные дела и операции приказчикам, которые часто употребляли во зло их доверенность, будут впредь в состоянии вести свои коммерческие обороты, совершенно обходясь без клерков; отныне они могут составлять всякие документы в нескольких экземплярах.

Фонографические письма могут быть диктованы всюду: у себя в спальне, в отелях, на железной дороге, у приятеля, обедая или лежа в постели. Так как писание является одновременно с диктовкой, то быстрота первого зависит от второго. Слушатель может слышать чтение своих писем с быстротой 200 слов в минуту, занимаясь в то же время другой работой. Междометие, объяснение, ударение на известных, обыкновенно подчеркиваемых фразах, восклицание и проч., передаваемые с верностью эхо, конечно, зависят от диктующего.

Превосходство фонографического письма над обыкновенным медленным процессом диктовки писания настолько очевидно, что о нем было бы лишним и распространяться далее. Лишь бы уста говорящего были обращены к воронке аппарата, он может употреблять его для каких угодно целей. Заменяя часто неразборчивые рукописи сочинителей фонографом, типографщик выигрывает и время, и избавлен от лишнего труда. Для него всегда окажется предпочтительнее работать ушами, не отрывая от работы глаз, которые необходимы для него в самом процессе набирания. Со временем, вероятно, суды найдут полезным приспособить фонографы к стенам возле скамей подсудимых и свидетелей. Последние во избежание путаницы в показаниях и противоречий могут давать их в воронку, и затем такие показания останутся неизменными документальными свидетельствами. Новый инструмент пригодится также судьям и адвокатам во избежание столь частого искажения их речей стенографами.

Применив фонограф к практическому воспитанию детей, мы в нем найдем верного и послушного репетитора учителей иностранных языков с правильным акцентом каждого и вообще всякой другой науки. Достаточно будет раз повторить вслух ребенку его урок с приличными объяснениями его в воронку фонографа для того, чтобы ученик мог уже сам заучить его по собственному инструменту, обращаясь к нему за объяснениями бесчисленное число раз.

Музыка. Фонографу предстоит значительная роль и в области музыки. Песня, раз пропетая в него; ария – chef-d'oeuvre¹⁸⁴ Нильсон или Патти¹⁸⁵; монолог, проговоренный Росси¹⁸⁶; мастерское исполнение пьес¹⁸⁷ инструментальной музыки великими артистами остаются вечными, несокрушимыми моделями для учеников пения, декламации и игры.

Семейные документы. Во всех случаях, когда друзья и родственники желают сохранить на вечную память последние слова, духовные завещания или даже целые речи, повторяемые голосом дорогого покойника или же кого-либо из великих людей своего времени, фонограф является несравненно полезнее и приятнее фотографа.

Фонографическая библиотека. Книги и брошюры в 40000 слов, уместающиеся на едином металлическом листе в 10 квад[ратных] вершков, становятся уже более, нежели вероятными. Превосходство такой библиотеки очевидно. Человек, не имеющий ни времени, ни охоты читать печатную книгу, с удовольствием прослушает ее, когда для этого ему стоит лишь или завести

¹⁸³ интонации (*англ.* inflection).

¹⁸⁴ шедевр (*фр.*).

¹⁸⁵ Нильсон Кристина (1843–1921) – шведская оперная певица (сопрано).

Патти Аделина (1843–1919) – итальянская оперная певица (колоратурное сопрано).

¹⁸⁶ Росси Эрнесто (1829–1896) – итальянский трагик.

¹⁸⁷ Пьеса (*устар.*) – пьеса.

машину и сесть за другую ручную работу, или же вертеть ручку, если он желает чтение с остановками.

Самой серьезной и затруднительной, хотя уже более, нежели наполовину преодоленной задачей в усовершенствовании механизма, являлось сохранение тембра во всей его блестящей чистоте и свежести таких голосов, как, напр[имер], у Патти или мисс Келлог¹⁸⁸. Но все остальные обыкновенные голоса и звуки выходят неподражаемо верными копиями оригиналов. Голоса животных, как-то: блеяние, мычание, лай, мяукание, хрюканье, все крики птичьего двора или пенье певчих птиц, являются в игрушках и автоматах, представляющих этих зверей и животных так же натурально, как и в природе. Мы обещаем, говорит Эдисон, на будущее Рождество детям игрушки, подобные которым еще не видалось с сотворения мира. Куклы будут разговаривать на разных языках, петь, кричать, смеяться, браниться, хохотать и плакать, каждая по своему возрасту. Последние также могут заменять малым детям учительниц, повторяя им басни, сказки и стихи на каких угодно языках.

Часы будут объявлять о времени дня и ночи, будить по утрам ленивых, называя их в известный час по имени, напоминать сиделкам о часах лекарств больным, объявлять запоздалым любезникам дочерей, что их родители желают отправляться спать или выпроваживать скучных гостей ранее обыкновенного.

Спичи, лекции, проповеди и проч. Мы уже показали, как всякий деревенский житель будет в состоянии слышать самых великих знаменитостей, не выезжая за родное село.

В заключение опыт указывает нам, что он произведет усовершенствование в настоящей системе телефона и полный переворот в области телеграфа. Последний, хотя и весьма полезен, но все же не оставляет заметных, вещественных следов, а ограничивается простой и быстрой передачей переговоров с одного конца света на другой. Но и эти переговоры по недоступной многим цене или неудовлетворительны, или же совсем невысказаны. Но если, расширив поле деятельности телеграфа, вместе с тем сократить более нежели вдесятеро расходы компаний, то он сделается доступным каждому. Все это Эдисон предполагает совершить до 1879 г. Он теперь работает над усовершенствованием следующего: заставляет телеграф записывать (to register) автоматически каждое передаваемое им слово и затем повторять депешу громко голосом посылающего ее на фонографе того, кому она посылается. Теперь за каждое лишнее слово надо приплачивать, часто рискуя при этом вследствие необходимой сжатости слога видеть свою депешу искаженной и непонятой. С помощью фонографа и телефона все это исчезнет. Телефонно-фонографический телеграф будет передавать целые разговоры между общающимися и плата будет взиматься за время, а не за число слов депеши. Телефонно-телеграфная линия станет передавать звуки *автоматически*, без содействия телеграфиста, так как на обоих концах ее фонографы станут сами записывать каждое слово переговаривающихся. Способ этот ввиду одного сбережения денег и времени уже представляет громадные выгоды. Но если взять в соображение возможность вести изустно мгновенные переговоры с одного конца света в другой, заключать сделки без помощи маклеров и часто перевирающих телеграфистов и бесчисленные другие выгоды, то фонограф является просто каким-то необыкновенным изобретением.

«Как же это сделать?» – спросите вы. Заставим отвечать самого Эдисона.

«Для такого практического результата, – пишет он в «North American Review»¹⁸⁹, – требуется лишь сделать фонограф немногим чувствительнее к вибрациям звука, а в телефоне – усилить самую силу вибраций в *звукоприемнике* (receiver) и дело сделано. Скажу более: изобретенный мною так называемый “карбон-телефон” (Carbon-telephone) уже позволяет фонографу мгновенно записывать звуки телефона, а так как я ежедневно усовершенствую и укрепляю в этом направлении вибраторную силу звукоприемника в телефоне, то и могу обещать такой телефонно-фонографический телеграф в весьма скором времени...

Телеграфные компании будущего, и весьма близкого будущего, станут просто организациями, устраивающими в больших размерах склады проволок и центральные и субцентральные станции с опытными при них клерками, единственная обязанность которых будет

¹⁸⁸ Келлог Клара Луиза (1842–1916) – американская оперная певица (сопрано).

¹⁸⁹ Edison T.A. The Phonograph and Its Future // The North American Review, Vol. CXXXVI, №262, May-June, 1878 (Эдисон Т.А. Фонограф и его будущее // The North American Review, 1878, т. CXXXVI, №262, май-июнь).

состоять в том, чтобы содержать инструменты и телеграфные проволоки в порядке и передавать, напр[имер], от №923 в Нью-Йорке (или Пекине) №1001 в Бостоне (или Петербурге), что № первый желает переговорить с № вторым *наедине* на станции такой-то. Подобные сообщения станут, таким образом, неприкосновенной собственностью сообщающихся, не проходя через руки телеграфистов, которые сделаются ненужными, и требуя лишь присутствия обоих переговаривающихся на обоих концах телеграфа».

Елена Блаватская.

Нью-Йорк, 4 мая (22 апреля).

VI¹⁹⁰

Нью-йоркские и другие преступления. – Кровавый потоп и эпидемия смертоубийств. – Дети-преступники. – Жертвы медицинского факультета. – Декамероновский замок с прибавлениями. – Современные Лоты. – Убийство жены банкира и масона. – «Желтый Джек» свирепствует.

Начиная с окончания войны и особенно за последнее десятилетие от времени до времени газеты поднимали тревогу, указывая на постоянно возвышающуюся цифру преступлений и развитие безнравственности в северных штатах Америки. Года три тому назад нарядили было даже специальную комиссию для разыскания «ключа зла», как выражалась пресса. Следствие производилось в глубокой тайне и интерес в публике был сильно возбужден... Но подобно источникам Нила ключ не давался. Одного лишь результата достигли усилия комиссии, а именно: открыв неслыханные ужасы и убедясь после двухлетних розысков, что перед общественной безнравственностью, особенно ньюйоркцев, бледнеют предания самого кесарского¹⁹¹ Рима, трое из главных комиссаров подали в отставку. Сам же президент комиссии Ж.С.Мак-Гоуэн заболел и... чуть не умер от сильного потрясения нервной системы. Да не подумает читатель, что вышесказанное – преувеличение или ирония; это факт, сделавшийся неотъемлемым достоянием истории и статистики Нью-Йорка. Единственным памятником неудавшейся комиссии остались 12 толстых томов, заключающих в себе дневник сыщиков. Ни одна страница из этой массы документов не оказалась доступною для передачи публике. Самые отъявленные циники из наших редакторов, которым, как известно, не покраснеть и в целом океане красных чернил, закрыв лицо дланями, лишь переглядывались в немом ужасе... Так эти тома и остались в потайном ящике за семью замками у мэра нашего достославного града кникобокеров¹⁹².

Весьма правильно выразился недавно лондонский «Punch» об американских бэби. «Восьмидневные младенцы, – говорит сатирический орган, – выползают из своих колыбелей и, совершив над оными критическое обозрение, составляют чертеж и тотчас же требуют себе выдачи патента».

Шестилетний джентльмен, питая злобу на мать, украв у отца револьвер и выбрав удобную минуту, застрелил ее вчера в упор. Затем, убегая и не забыв при этом прихватить портмоне покойной, он встретил на пути 4-летнюю сестру, хватил ее со всего размаху револьвером по голове и, оставив замертво, он исчез... Воспоминания о 12-летнем бостонском преступнике Джесси Померое, умертвившем в два года 18 ч[еловек] детей от 4 до 9 лет, засаженном в тюрьму в 1875 г., еще не изгладились. Этот юный Нерон – как было доказано на следствии – убивал свои жертвы не из корысти какой, ни даже из-за злобы, это делалось просто «ради сильного наслаждения следить за их предсмертными муками» – по собственному сознанию убийцы. Заманив ребенка, он обыкновенно перерезывал ему артерию под ухом, а затем, исколов все тело, жадно купался в крови, *пил ее* и рычал от наслаждения!.. Повесить его было невозможно; его заперли до 25-ти лет в исправительный дом.

Перейдем, однако, от проступков невинного детства к преступным деяниям взрослых

¹⁹⁰ Наш нью-йоркский корреспондент все лето не был в Америке. – *Примечание редакции газеты «Правда».*

¹⁹¹ От слова «кесарь».

¹⁹² Никербокер – коренной белый ньюйоркец, по имени Никербокеров.

граждан. Следуя мудрой политике мэра Нью-Йорка и уважая целомудренные чувства гг. одесситов, мы не станем выносить уж слишком грязного сора из избы. Удовольствуемся пока некоторыми выдающимися образчиками преступлений, волнующих в настоящую минуту все умы. Нигде в Европе не встретите вы преступление в совокупности с такой жестокостью, даже утонченностью в отделке. Из-за простого желания избавиться от надоевших жены, мужа, соперника пускаются в ход адские хитрости. Изобретательность янки в совершении смертоубийств равняется лишь их изобретательности в механическом искусстве. В последние два месяца мы плаваем в крови по колено. Но самая замечательная черта, выдающаяся в этом современном кровавом потоке, это то, что справедливость знаменитой фразы: «а где же женщина?» – подтверждается у нас на деле. Главные героини, жертвы и действующие лица во всех преступлениях за последние август и сентябрь – женщины!

Берега Тихого океана сделались в продолжение нескольких недель свидетелями непрерывной вереницы смертоубийств. Первым является умерщвление четырех семейств разбойниками. Их задерживают и они доказывают, что были подкуплены и подсланы для совершения своих злодеяний публичным администратором города Сакраменто! Сей маститый чиновник, назначаемый опекуном над спорными именьями, найдя, что дела его идут плохо, решился прибегнуть к подкупу и убийству, дабы завладеть управлением имений... Жертвы были богаты и наследников не имелось. Премия назначена и четыре семейства помещиков, состоящие из 18 человек, исчезают с лица земли!

Немного спустя среди белого дня три человека входят к ювелиру в Орегоне, убивают его самого, жену и мальчика и, унося драгоценных камней на 400 тыс[яч] дол[ларов], спокойно уходят восвояси. За ними следят, они попадают, и главным из них оказывается экс-сенатор конгресса Уильямс! Через два дня юноша в Сан-Франциско убивает 14-и летнюю девочку и, обесчестив труп, исчезает из города... Почти одновременно с этим преступлением некто Сидней Фармс убивает жену, поджигает дом и застреливается на пылающих развалинах... На той же самой неделе один из самых богатых и уважаемых резидентов Калифорнии, передав свое имущество любовнице, отравляет всю воду в доме стрихнином, а вода отравляет жену и сына; затем он убивает топором дочь и, наконец, задержанный, раздробляет собственную преступную голову пулей! Прибавим к этому самоубийство известного сборщика податей и президента французского национального банка. Пресса находит, что это настоящая эпидемия преступлений.

Но вернемся к нашим северным штатам и особенно к штату Нью-Йорк. Тут действительность удивит самую необузданную фантазию. Сентябрь 1878 года останется надолго кровавым месяцем Америки...

В Коннектикуте, в двух шагах от нас, один приятель хладнокровно и преднамеренно убивает своего закадычного друга ради нищенской цены его мертвого тела, которое он и продает студентам медицины. Этого мало: молодая девушка, сестра покойного, помогает убийце, составляя план и приводя его вместе с ним в исполнение... Это убийство наводит на следы целого ряда преступлений одинакового характера.

Профессор анатомии и физиологии Яльской коллегии (*Yale*)¹⁹³ д-р Санфорд дает из-под руки знать, что он готов платить хорошую цену за трупы. Несколько арестов в прошлом году за похищение тел из могил ставят преграду аматерам¹⁹⁴. Несмотря на это, трупы обильно являются к нему через черный ход в узлах, в сундуках и бакалейных ящиках. Профессор не только не требует медицинского свидетельства, он даже не осведомляется об имени покойников. Между тем с различных пунктов штата раздаются вопли, происходит смятение, печатаются объявления... Пропало несколько девушек из семейств; улетучились девочка и юноша; исчез отец семейства, вышедший было на прогулку. На острове Серебряного озера выкопана голодными собаками бочка, а в бочке согнутое в три погибели разлагающееся тело молодой девушки. Лицо обезображено острым инструментом и признать его невозможно. Являются из одного Нью-Йорка 14 семейств, у которых за последний месяц пропали дочери, и не могут признать тела. Но на трупе находятся явные признаки той деликатной операции, которой столь прославилась покойная самоубийца и вытравительница мадам Рестель. Разыскивая преступников по этому делу, полиция

¹⁹³ Йельский колледж (*англ.* Yale college) – ныне Йельский университет.

¹⁹⁴ любителям (*фр.* amateur).

нападает на следы 28 подобных преступлений, совершенных докторами-специалистами и окончившихся смертью пациенток! Выкапывают и свидетельствуют более двадцати трупов девушек и находят те же следы. Шесть докторов, пять матерей и около дюжины молодых людей «легкого поведения» арестованы и посажены в тюрьму. Но таинственность делается еще более непроницаемой. Наконец, пропадает один разносчик-заика и приятель многих кумушек. Его тело также находят в бочке, и оказывается, что это первый труп, отверженный профессором Санфордом, который, однако же, дозволил некоей м-рис Александер, привезшей тело к нему, спокойно увезти его назад в бочке и даже не известил о том полицию. Пойманные женщина Александер и трактирщик Бассет сознаются в том, что они заманили заика и, напоив его пьяным, задушили хлороформом ради цены за тело его. Несмотря на их заперательство, на них лежит сильное подозрение, что они убили, таким образом, для продажи трупов около дюжины людей. Но это еще не объясняет преступления, совершенного над телом женщины в другой бочке.

Забираясь секретно по домам, переряженные сыщики открывают красивый загородный дом, в котором, как в декамероновском замке во время чумы, проживает в роскоши и неге почтенное число девиц от 13 до 20 лет включительно. Оказывается, что многие из них предпочли собственных дедушек, отцов и братьев могущим явиться законным мужьям. Из них две дочери 13 и 16 лет вдовца майора Брюмера, которых еще недавно тщетно разыскивала полиция. На этого храброго майора, нужно заметить, три старшие дочери его подали прошение месяца два тому назад за *супружескую неверность* ко всем трем. Как видно, прошение вызвано взаимною ревностью девушек. Скандал был до того грязен, что газеты сговорились не печатать подробностей. Но две меньшие дочери остались верными «отцу-супругу», который и содержал их в загородном доме. Оказывается, что хозяевами сего декамероновского, хотя сильно усовершенствованного убежища граций были эти же самые деды, отцы и старшие братья. Составив родственный клуб, они поместили в нем своих дочерей, внушек и сестер, но с расчетливостью, достойной янки, заставляли платить за содержание *эстаблишмента*¹⁹⁵ внешнюю и ничего не подозревающую публику, предоставляя лишь самим себе пользоваться и товаром, и платою посетителей за оный... Не напоминает ли это нам времена падения Римской империи?

Проповедникам представляется богатая жатва. Теперь им надолго за текстом проповедей не придется лазить в карман. Тем более что один класс их собственных преподобных братьев способен доставить им самые разнохарактерные сюжеты. В одной тюрьме Оборна¹⁹⁶ – незначительного городка нью-йоркского штата – из 47 уличенных и приговоренных преступников 29 пасторы различных церквей, преимущественно методистов, и все до одного содержатся за уголовные преступления. Вот два-три случая из них.

На днях дочь фермера Мери Стоддарт найдена убитой в лесу. Главная артерия на шее перерезана искусной рукой, живот пересечен накрест и из него вынуто доказательство ее позора, известного, впрочем, всему околотку. Пр[еподобный] м-р Гайден, пастор их церкви, молодой и семейный человек, что не мешало ему быть в связи со своей юной прихожанкой, арестован.

Следствие доказало, что он один совершил преступление. Тем не менее, сыщик, главный свидетель против него, по показаниям которого его и приговорили, застрелен неизвестно кем среди белого дня на улицах Нью-Йорка. Восьмидесятилетний епископ Чикаго Мак-Кроский, архиерей церкви методистов, лишен сана и бежал в Европу за обольщение 14-летней девочки, которую усыновил с детства и называл дочерью! Архидиакон в Вермонте Эзра Смитт отравил жену из-за любви к замужней женщине, которая, бросив двух детей, была причастной [к] убийству и поэтому сидит с ним в тюрьме...

Но между всеми этими преступлениями два процесса в настоящую минуту поглощают все внимание публики, так как оба покрыты мраком неизвестности, а преступники, кроме одного, не сознаются.

Жена банкира Джиси Билингса¹⁹⁷, сидя вечером в половине девятого у закрытого окна своей гостиной в нижнем этаже, вдруг упала с кресла, простреленная в голову. Ружейная пуля пробила дыру в столе, засела у нее в мозгу, причинив мгновенную смерть. 18-летняя дочь, сидевшая

¹⁹⁵ заведения (англ. establishment).

¹⁹⁶ Оберн (англ. Auburn).

¹⁹⁷ Билингс Джесси (Billings Jesse, 1828–1905).

напротив ее, в ужасе с криком выбежала на крыльцо и в ту же минуту увидела убегающего человека в черной шляпе. М-рис Биллингс, ревнивая и злая, жила с мужем дурно и за несколько дней до своей смерти разбила ему камнями все окна дома, где помещался банк. Сам же Биллингс, невзирая на все, обращался с нею кротко и страстно любил единственную дочь. На суде доказано, что во время выстрела он не мог быть дома, потому что гораздо ранее половины девятого, когда раздался выстрел, проехал прямо к дому судьи Уошбурна и, не застав хозяина, сидел с его семейством, когда судья приехал домой и объявил ему о страшной катастрофе. Все шансы за него и *alibi*¹⁹⁸ доказано. И однако же, он был арестован и судится за убийство по показаниям – кого бы вы думали? – собственной молоденькой дочери Дженни! С непомерным хладнокровием и чисто сатанинской хитростью, наперекор всем уликам, она обвиняет родного отца в убийстве матери. Она открывает на допросах старые, давно забытые ссоры между родителями и припоминает частые угрозы отца, слышанные ею одной и не подтверждаемые ни одним свидетелем. Она рассказывает в подробностях – скромная девушка! – как года два тому назад, по наущению матери, переодетая, она прокралась за отцом в Нью-Йорк и, следя за ним как тень, нашла его в доме терпимости и затем неузнанная вернулась домой. Она, наконец, обвиняет все семейство уважаемого, старого судьи в укрывательстве ее отца и клятвопреступлении и утверждает в суде в глаза отцу, что он один убийца матери ее.

Но защита тоже доказывает, что дочь ненавидит отца, что ее ненависть к нему происходит не из любви к матери или желания отомстить за смерть ее, но потому, что отец отказал ей в прошлом году по причине ее молодости в бриллиантах на 25000 долларов. Наконец, защитник объявил, что он докажет, что обвинение происходит от одного сильного желания завладеть преждевременно наследством. Отправясь нарочно в Балстон¹⁹⁹ и находясь в тот день в суде, мы не спускали глаз с этой примерной дочери, надеясь, что хоть это ужасное обвинение, наконец, смутит ее. Отец, сидя за столом своих защитников, тоже смотрел на нее в упор, тяжело дыша, как бы в оцепенении. И что же? Ни один мускул не дрогнул на этом 18-летнем тонком и болезненном лице. Дженни насмешливо улыбнулась, пожала плечами и, не удостоив адвоката ответом, принялась грациозно обмахиваться веером! «Знаете ли вы, – заревел защитник, – что вы ведете родного отца, который любил вас и еще любит так, как один отец способен любить, прямо на виселицу? Знаете ли, что если он погибнет, то через одну вас – его родную дочь, и вы останетесь навеки в глазах Всевышнего Бога и людей отцеубийцей? Сознывая все это, готовы ли вы повторить обвинение?»

В зале заседания воцарилась страшная, мертвая тишина. Две тысячи народу замерли как один человек. Зрители еле дышали, ожидая ответа дочери...

Она отерла платочком губы и медленным, ясным, спокойным голосом отвечала: «Знаю все это. Но повешенного убийцу моей матери жалеть не могу и не стану...»

За этими словами поднялся такой вихрь свистков, восклицаний и криков отвращения, что заседание было прервано. Мисс Дженни слегка побледнела от страха. Но зато лицо несчастного отца сделалось при этих жестоких словах единственной дочери белее его рубашки. Оно как-то странно перекошилось; наконец, он весь затрясся и, громко зарыдав, упал лицом вниз на стол. Его вывели без чувств.

Думают, что приговор присяжных будет оправдательным. Интересно знать, какими станут после этого обоюдные отношения отца с дочерью! Мне кажется, что как самая система воспитания, так и ненормальные отношения между детьми и родителями в Америке составляют одну из главных причин того, что здесь менее чем где-либо дети понимают священное чувство любви к родным. Как только мальчик или девочка становятся способными заработать себе трудом жалованье, родные их требуют, чтобы дети платили им за харчи (*board*). Иначе их выгоняют из дома и отправляют на все четыре стороны.

В другом разбирающемся ныне процессе виновность обоих преступников очевидна. Некто Бишоп, женатый человек, и м-рис Кобб, также замужем, влюбились друг в друга, и то, что последовало затем, предоставляется догадливому воображению читателя. И Кобб, и Бишоп оба были масонами, но первый принадлежал к бостонской ложе, о чем не знал Бишоп. Обстоятельство это играет главную роль в трагедии и становится как бы орудием карающего провидения. И Кобб,

---

¹⁹⁸ алиби (англ.).

¹⁹⁹ Балстон (англ. Ballston).

и жена Бишоп мешали влюбленным; и вот м-рис Кобб уговаривает своего друга отделаться от обоих и сочетаться браком. Молодая жена Бишопа внезапно умирает, а за нею и м-р Кобб приказывает долго жить. Проходят три месяца и накануне свадьбы Бишоп с одним товарищем-масоном, как и сам он, напивается пьяным и проговаривается.

Законы франкмасонского братства неумолимы. Часто преступники, избравшие жертвой не масона, оправдываются и избегают законного наказания только потому, что судья и некоторые из присяжных сами франкмасоны. Но если один масон убьет или совершит преступление против другого, то он безвозвратно погиб. Приятель, узнав, что Бишоп либо замешан, либо сам совершил смертоубийство над Коббом, братом-масоном, тотчас же заявил о сем старейшинам ложи. Те оповестили полицию. Тела двух жертв отрыты, и медицинский анализ нашел во внутренностях обоих довольно мышьяку и стрихнина, чтобы открыть новую аптеку. Бишоп сознался, но м-рис Кобб не поддается.

Но оставим этот тяжелый перечень преступлений. От одного воспоминания голова идет кругом.

В Одессе, вероятно, знают, что вот уж два месяца, как у нас на юге свирепствует эпидемия желтой горячки или, как ее здесь зовут, «Желтого Джека». «Джек», оказывавший, бывало, большое уважение неграм так, что когда «белые» валились, как мухи, негры оставались неприкосновенными, на этот раз не забыл и их. Это обстоятельство произвело между ними панику, результатом чего оказалось, что некому и смотреть за больными. В одном Новом Орлеане по сие число было 9385 заболевших, из которых более трети умерло. В Мемфисе еще хуже. Умирают целыми семействами, вымирают целые улицы. Грабеж вследствие этого неудержимый, и много раз находили самих воров либо умирающими, или же уже умершими на самом месте преступления с взломанными комодами кругом. «Джек» поражает жертву с быстротою молнии. Все медики повымирали, и на целый город, в котором умирало до трехсот человек в день, остался был один похоронный подрядчик, да и тот, наконец, умер. По словам очевидцев, люди умирают на улицах, под заборами, где попало, и трупы их под палящими лучами солнца гниют, оставаясь целыми днями неубранными, потому *некому*. За три мили от города уже слышится отвратительный запах разложения. Северные штаты окружены кордоном и даже письма предварительно окуриваются на почте. Посланный газетою *World* репортер, приехав в Мемфис, послал из этого злополучного города следующую телеграмму: «Костры горят день и ночь и дегтя не жалеют на 12 миль в окружности города. Но все меры ничего не помогают. В городе мертвая тишина, среди которой раздается глухой гул слабых стонов умирающих. Живые шепчут и бродят по улицам, скорее похожие на привидения, чем на людей. За целый день я не слышал ни одного громкого слова. Ужас висит над городом, будто нечто осязаемое. Дантовский ад – веселый пикник в сравнении! Я насчитал 29 неубранных трупов во всем безобразии разложения. Споткнувшись в темноте, я упал на одного из них и, зацепившись, долго не мог встать...»

Послав депешу, он свалился и через два часа умер. Единственный телеграфист оповестил о его смерти. На этот раз Север отличился. Из одного Нью-Йорка собрано и послано более 400000 долларов на помощь Югу. Доктора, фельдшера и сестры милосердия – волонтеры из всех классов общества – добровольно предлагали свои услуги, спешили на помощь южанам целыми партиями и много из них не вернутся более никогда. Несмотря на почти верную смерть, другие заменяли умерших тотчас же и безвозмездно отдавали себя на жертву. Умерло несколько из наших лучших докторов и дам, отправившихся туда. Вечная память этим славным героям, погибшим из любви к человечеству. Да, все они истинные герои; никакое бесстрашие на поле сражения, где во время битвы одно нервное возбуждение заставит человека забыть всякую опасность, не может сравниться с подобным подвигом. Тем более что в этом стремительном желании северян, рискующих здоровьем и жизнью, даже нет и патриотизма. Южане живут с северянами как кошки с собаками; первые ненавидят *янки*, и много воды еще утечет в Миссисипи, пока изгладятся воспоминания о войне²⁰⁰.

Случай, возбудивший много толков у нас и который, если бы *Травиата* и *Dame aux Camélias*²⁰¹ давно не избили этот сюжет, мог бы послужить материалом американским

²⁰⁰ Речь идет о Гражданской войне в США 1861–1865 гг.

²⁰¹ «Дама с камелиями» («La Dame aux Camélias») – роман французского писателя А.Дюма-сына (1824–1895),

драматургам, обратил на себя недавно всеобщее внимание. Некая знаменитая и всем известная куртизанка, прозванная «златовласая Анни Кук»²⁰², разорив двадцать миллионеров и разбив столько же женских сердец, содержала в Мемфисе великолепный отель-ресторан *Mansion-House*²⁰³, нечто вроде парижского *Maison Dorée*²⁰⁴. Как только появилась эпидемия, она выгнала своих нимф, купила 60 кроватей и превратила свой роскошно меблированный дворец с садом в даровую больницу. Она не только содержала, кормила и сама ухаживала за больными, но выписала на свой счет лучших докторов и двадцать сиделок. По показанию медиков, благодаря чистому воздуху и попечениям, она спасла жизнь, по крайней мере, сотне людей. Без сна и отдыха, не обращая ни малейшего внимания на свое собственное здоровье, она ухаживала за больными. Три дня тому назад Анни Кук сама пала жертвою своего самоотвержения. Перевожу только что полученную телеграмму.

«Сегодня утром Анни Кук, жизнь которой была до появления эпидемии одним непрерывным позором, умерла в семь часов утра. Невзирая на ее горячие мольбы, католический священник, отец О'Леари, отказал ей в последнюю минуту в св[ятом] причастии и даже не позволяет похоронить тело на освященной земле кладбища. Анни Кук завещала все свое огромное состояние детям умерших жертв эпидемии. Покойной только что минуло 27 лет».

Добрый, верный слуга Того, Кто некогда предложил фарисеям: «Да кинет в нее первым камнем тот, кто не чувствует за собою греха!..»²⁰⁵

Е. Блаватская.

Нью-Йорк, 1 (13) октября.

VII

Не раз уже было замечено в наших письмах, что над Соед[иненными] Шт[атами] Сев[ерной] Америки нависло как бы грозное темное облако... Эпидемия преступлений, – а особенно то таинственное, непонятное подражание всякому преступлению нового рода, – разразилась, словно ливнем, над нашими головами и никакие морозы не останавливают ее. «Желтый Джек» – невинное дитя в сравнении с этой эпидемией. Преступники – во всех классах общества и в каждом возрасте – со злорадством как бы чистого помешательства стараются перещеголять друг друга; лезут в петлю и тащат за собою других. Давно уже во всех частях республики граждане перестали засыпать, как бывало, в постелях своих с тем чувством полной безопасности, к которому приучила их некогда неусыпная и деятельная бдительность полиции. Несколько лет тому назад, когда Диккенс заявил в своем романе «Мартин Чизльворт»²⁰⁶, что единственная охрана всякого янки собственный револьвер, то это заявление было принято с негодованием и долго считалось обидной клеветой. Полиция Нью-Йорка смотрела даже на знаменитых сыщиков Скотланд-Ярда в Лондоне свысока; и в то время ходило в народе поверье, что не было еще того зарезанного или оборванного гражданина, который не мог бы рассчитывать быть отомщенным рано или поздно. Увы! Декорации изменились. Полуночные воры, замаскированные убийцы, преступники самой разнообразной шерсти давно уже отняли всякий покой у бедных граждан; особенно у тех из них, которые обладают наличными в туго набитых кошляках или же ключами от сохранных касс коммерческих домов и банков.

Но не в одних постелях своих подвергаются наши бюргеры всякого рода опасностям. Даже в тихих, глубоких могилах и склепах им не дозволено спать спокойно. В анатомической зале главной медицинской коллегии в Уэсте труп внука одного из бывших президентов Соед[иненных] Шт[атов]²⁰⁷ найден повешенным за ноги, как баран, в ожидании вскрытия. Похищение покойников

легший в основу оперы «Травиата» итальянского композитора Дж. Верди (1813–1901).

²⁰² Кук Анна (1840–1878) – американская куртизанка.

²⁰³ «Дворец» (англ.).

²⁰⁴ «Золотой дом» (фр.) – известный парижский ресторан.

²⁰⁵ Иоан. 8, 7.

²⁰⁶ «Мартин Чезвилт» («Martin Chuzzlewit»).

²⁰⁷ Речь идет о Джоне Скотте Гаррисоне (1804–1878), американском политике, члене Палаты представителей

сделалось столь обыкновенным делом, что вряд ли можно найти в котором бы то ни было из 36 штатов хоть один уголок, где тело могло бы быть погребенным в полной безопасности от грабителей. На днях в штате Огайо (*Ohio*) унесено из могил семь трупов разом; из них найден лишь один, да и то *повешенным* на суке дерева у крыльца собственного дома покойника.

Читатели сенсационных романов Дюма-отца припомнят, быть может, как в одной из серий «Трех мушкетеров» кромвелисты похищают тело Карла I-го²⁰⁸, а монархисты ищут тело Кромвеля²⁰⁹. Трагедия прошлых времен повторяется в настоящем столетии. 7 ноября 1878 г., то есть еле две недели тому назад, весь Нью-Йорк затрепетал от поразившей его новости. Временный склеп, в котором покоились бранные останки архимиллионера Александра Т.Стюарта, ожидающие лишь окончания постройки г-жою Стюарт великолепного собора в Спринг-Сити (городок, построенный Стюартом и принадлежащий ему), дабы быть перенесенными в церковный склеп, взломан. Три гроба – один свинцовый, другой из сандалового, а третий из кипарисового дерева разбиты, и тело пропало без вести²¹⁰!..

Да не подумает невинный читатель, что преступление было совершено на загородном кладбище – далеко от жилья, под покровом темной ночи и полуночной тишины. Подобный пассаж был бы чересчур прозаичен и не представлял бы ничего оригинального. Нет, наши американские святотаты редко идут на такие пошло-легкие предприятия. Маленькое кладбище св. Марка находится в центре Нью-Йорка, – в самом сердце гражданской деятельности, так сказать, – на Второй авеню и Одиннадцатой улице; и если одна сторона четырехугольной низенькой ограды замкнута зданием большой церкви, то зато три остальные стороны обрамлены тротуарами многолюднейших улиц. На этих улицах народ непрерывно снует от одного рассвета до другого, а прохожему стоит лишь повернуть голову, чтобы обнять глазом всю поверхность маленького кладбища, вдобавок ярко освещенного десятком фонарей на бронзовых высоких столбах. К тому же на каждом из тротуаров мерно расхаживают целую ночь по три бдительных полисмена. В семь часов в вечер преступления сторож по обыкновению, прежде чем запереть калитку, обошел все могилы и нашел все состоящим благополучно; в половине двенадцатого зевающий полициант, взглянув по направлению к могиле Стюарта, заметил что-то лежащее на ней и перелез через железную решетку.

Плита, покрывающая свод, оказалась вырытой, и подземная комнатка широко зияла черной открытой пастью среди вымощенного белым мрамором дворика кладбища. Он забил тревогу, и прибежавшие полисмены сошли с фонарями вниз по ступенькам в склеп. Первое, что бросилось им в глаза, это грустные обломки трех гробов, внутренность коих блистала отсутствием тела, но зато присутствие запаха трупа – тяжелого, одуряющего, невыносимо отвратительного запаха – повалило двух из пяти полисменов наземь и их вынесли на чистый воздух без чувств...

Спрашивается: каким образом могли преступники меж седьмым и одиннадцатым часом вечера под носом тысяч прохожих и полисменов взломать плиту, затем гробы и, украв сильно разлагающееся тело, унести его через ярко освещенное кладбище на столь же ярко освещенную улицу таким образом, что ни стук молотка и заступа, ни страшная вонь не привлекли на себя ничего внимания? Изумительны и непостижимы деяния ваши, о воры Америки! Предоставив товарищам Старого Света, – который, по пословице, «обезьяну выдумал и комара подковал»²¹¹, – рутинные фокусы ремесла, преступники Нового, должно полагать, открыли шапку-невидимку и работают под ней на здоровье.

США, сыне У.Г.Гаррисона (1773–1841), девятого президента США (1841).

²⁰⁸ Карл I (1600–1649) – король Англии, Шотландии и Ирландии с 1625 г. Его политика абсолютизма и церковные реформы вызвали восстания в Шотландии и Ирландии и Английскую революцию. В ходе гражданских войн Карл I потерпел поражение, был предан суду парламента и казнен 30 января 1649 г. в Лондоне.

²⁰⁹ Кромвель Оливер (1599–1658) – английский государственный деятель и полководец, руководитель Английской революции. После вступления на престол Карл II (в 1660 г.) тело Кромвеля было извлечено из могилы, повешено и четвертовано, что было традиционным наказанием за измену Англии.

²¹⁰ О похищении тела умершего миллионера А.Т.Стюарта см. также: *Yankee Sam*. Отголоски Нового Света // Новое время, 1878, №993, 2 декабря

²¹¹ Отсылка к пословицам: немец хитер, обезьяну выдумал; англичанин сделал блоху из стали, а русский ее подковал (из сказа Н.С.Лескова «Левша»).

Судья Хильтон²¹², наследник Стюарта, вместе с женою покойного, предлагают награду в 100 тыс[яч] дол[ларов] за поимку преступников. Но вот уже прошло двенадцать дней; полиция и сыщики всей страны на ногах и судья истратил наличными 45 тысяч, но все напрасно! Проследили первый путь похитителей – по запаху, так как, несмотря на то, что в тот вечер шел дождь и было грязно, ни на плитах, ни на траве кладбища не найдено ни малейшего следа ног. Привели собаку-ищейку и та проследила и нашла жирные пятна на мостовой, на тротуаре и на перилах балкона углового дома, который находился на уровне и над решеткой ограды. Доказано, что пятна эти, от одного запаха коих тошнило на двух шагах расстояния, сделаны жидкостью разлагающегося тела, которое капало по дороге. Но далее балкона ни слуху ни духу; и даже ищейка, злобно поджав хвост, бросила дальнейшие поиски. Улетучились и преступники, и тело.

Конечно, тут же распространились в народе всевозможные предположения. Одни уверяют, что Хильтон-наследник отравил Стюарта и теперь украл тело, боясь вскрытия. Другие убеждены, что тело украдено обществом *кремации*, т.е. телосожигателей; третьи обвиняют Теософическое общество, которое сжигает своих умерших членов, в покраже трупа из-за принципа²¹³. А спиритуалисты так прямо доказывают, что, по примеру гоголевской солдатки, которая «сама себя высекла», покойный Стюарт «сам себя украл», т.е. чувствуя непреодолимое влечение к вызывающим тень медиумам, почтенный усопший миллионер, соскучившись в заточении, сломал гробы, плиту под сводом и отправился «материализоваться» в темных кабинетах духовызывателей. Судя по оставленным за собою жирным каплям, телу его, действительно, не мешало бы облечься в новую и более прочную оболочку. Как бы то ни было, но судья Хильтон получил до сего дня более двухсот посланий от всевозможных ясновидящих и медиумов, уверяющих судью, что пропавший покойник являлся во многих местах и приказал сказать ищущим его, что он вовсе не желает возвращаться назад в свой темный склеп, так как ему гораздо лучше на свободе. Все эти безумные письма представлены судьей в контору нью-йоркского «Геральда» и самые курьезные из них напечатаны. Остается надеяться, что беспокойный покойник успокоится; что он не станет снова искать кандидатуры в конгрессмены, так как в сенате Вашингтона и без него давно уже чувствуется весьма неприятный запах разложения.

Во всяком случае, общество телосожигателей торжествует, так как все эти постоянные происшествия с трупами произвели в публике сильную реакцию. Даже самые ярые консерваторы – из тех, которые стоят за погребение из осторожной предусмотрительности ввиду будущего воскресения мертвых и дабы не затруднить последних в поиске разбросанных членов, – начинают склоняться к идее будущего повсеместного телосожжения. Быть может, это общество решится даже выписать из Индии несколько опытных браминов. Тогда на площадях Нью-Йорка запыхают костры, на которых станут постоянно трещать гражданские кости, как на *готсах*²¹⁴ в Бомбее и других городах Индустана²¹⁵. Но вот вопрос: станут ли, следуя примеру сестер своих на Индусе²¹⁶, наши вдовы следовать на костры за мужьями?.. Сомневаемся...

Говоря о вдовах и позволив себе маленькое отступление, передаем самую свежую новость города. Мисс Стивенс-Морлей, вдова конгрессмена, вышла замуж вчера за *одинадцатого* мужа.

---

²¹² Хилтон Генри (1824–1899) – американский юрист и бизнесмен.

²¹³ Речь идет о кремации тела барона де Пальма, члена Теософского общества, 6 декабря 1876 г. в Нью-Йорке, которая получила большой резонанс в американской прессе (см.: *Желиховская В.П.* Из-за океана. Смерть теософа // Тифлисский вестник, 1877, №49, 50).

В дневнике Олькотта-Блаватской за 1878 г. сделаны записи, связанные с бароном де Пальма:

«20 ноября. <...> Вечер: Проводили ведическую церемонию бросания пепла барона Пальма в море. Преинтереснейший эпизод. Наш загадочный индусский собрат ∴ присутствовал на ней со своим помощником <...>. Г.С.О[лькотт] бросает прах в воды Нью-йоркского залива ровно в 7:45 вечера.

21 ноября. <...> Кертис дал в “Sun” описание церемоний прошлого вечера. “Evening Telegram” скопировал ее и претендует на то, что это – его собственный материал, который они где-то раздобыли!» (Дневники Е.П.Блаватской // *Блаватская Е.П.* Оккультизм или магия. М., 2007. С. 69).

Статья «The Last of Baron de Palm» («Конец барона де Пальма») с описанием «церемонии бросания пепла барона Пальма в море» была напечатана 21 ноября 1878 г. на первой странице газеты «Sun».

²¹⁴ Гхаты (*англ.* ghats) – каменные ступенчатые сооружения, служащие для ритуального омовения индуистов и/или как места кремации.

²¹⁵ Индостан (*англ.* Hindustan).

²¹⁶ Инде (*англ.* Indus).

Ей всего 34 года. На свадебном пиру присутствовали шесть из ее бывших разведенных с нею супругов, и каждый из них почел своим долгом протанцевать с нею кадрили. Последний счастливчик напился пьяным и в пылу восторга и паров шампанского поцеловал жену одного из шестерых «отставных». Последний воспылил гневом, и новобрачная разделила ярость его как из ревности к новому мужу, так из-за не совсем еще угасшего чувства любви к обиженному бывшему супругу. Вышла ссора и свалка, и молва идет, что молодые решили подать просьбу о разводе. Аркадия²¹⁷ наша Америка, да и только²¹⁸.

Следуя за наплывом народа, отправились и мы на кладбище св. Марка, одно из древнейших и самых замечательных из исторических пунктов города.

На нем давно уже перестали хоронить всех – кроме миллионеров. Тот, кто желает лежать в нем, должен заплатить городу 10 тыс[яч] дол[ларов]. Старые трупы и кости простых смертных вырыты в 1836 г., место вымощено мраморными плитами и на кладбище красуется всего двадцать два склепа новых и около 17-ти древних покойников. Каждое из имен, стоящих на плитах, знаменито в летописях города. Тут лежат Уинтроп²¹⁹, Тукер²²⁰ и Ван Бюренс²²¹ – первые колонисты и селтеры на острове Монхатан²²² – ныне Нью-Йорк. Шесть плакучих ив – дети ивы, осенявшей когда-то могилу Наполеона на острове Св. Елены, посаженные французом, который привез эти побеги ивы с острова и подарил их городу, – бросают широкую тень свою на белые плиты и придают много поэзии маленькому кладбищу. Инстинктивно удаляясь от широко зияющей ямы разбитого свода Стюарта, мы набрали на странно испещренную и весьма оригинальную плиту и передаем как эпитафию, так и сущность сюжета, гравированного на ней. Агнец держит сосуд с вином и предлагает его козлищам, а своих избранных отдаляет от него; легенда готическими буквами повторяет известное изречение из Св. Писания, в котором говорится о большей радости над одним покаявшимся грешником, нежели над десятью праведниками, а ниже надпись добавляет следующее откровенное заявление, которое перевожу буквально:

«Под сим сводом погребен Петрус Стювезанс²²³, бывший генерал-капитан и губернатор-аншеф Амстердама в Новом Нидерланде²²⁴, ныне называемом Нью-Йорком. Он был великим грешником, вором и грабителем сирот и вдов; но перед смертью покаялся и ныне пьет из чаши агнца. Умер по Р.Х. 1682 года 80-ти лет отроду».

Е.Блаватская.

Нью-Йорк, 2 (14) ноября.

VIII

Актрисы и сцена в Нью-Йорке. – Русский у Барнума. – Кучер-пастор и венчание в карете. – Новое общество в Америке «отождествления потерянных десяти племен Израиля». – Будет ли лорд Биконсфильд избран почетным его членом?

В настоящее время у нас большая мода на иностранных актрис. Сезон 1878 года особенно отличается заморскими «звездами», как здесь называют главных актрис. Знаменитая Моджевская²²⁵, или «северная графиня», как ее кличут обожатели, покорила все сердца, и,

²¹⁷ Безусловно, ирония; Аркадия (*иноск.*) – счастливая страна.

²¹⁸ Этот абзац процитировала газета «Новое время», предварив публикацию следующими словами: «Г-жа Блаватская, корреспондентша одесской “Правды”, из Нью-Йорка рассказывает недурную сцену из американской жизни» (1878, №1003, 12 декабря).

²¹⁹ Уинтроп Джон (1588–1649) – английский религиозный и политический деятель, организовал большую переселенческую экспедицию протестантов в Новую Англию, где была основана Массачусетская колония, губернатором которой он стал.

²²⁰ Такер (Tucker).

²²¹ Ван Бюрен Корнелиус (van Buren, 1610–1648) – один из первых колонистов в Америке.

²²² Манхеттен (*англ.* Manhattan).

²²³ Питер Стёйвесант (Stuyvesant, 1612–1672) – последний генерал-губернатор (1647–1664) голландских владений в Северной Америке, известных как Новые Нидерланды.

²²⁴ New Netherland.

²²⁵ Моджеевская Хелена (Modjeska, 1840–1909) – польская актриса.

О Х.Моджеевской см.: *Yankee Sam*. Отголоски Нового Света // Новое время, 1878, №963, 2 ноября; *М-в.*

действительно, она столь же замечательная необыкновенным талантом женщина, как и великая актриса. Не говоря ни слова по-английски, три года тому назад в Калифорнии она решилась поступить на английскую сцену и ровно в шесть месяцев выучилась этому трудному для иностранца языку, преодолела все препятствия выговора и произвела на первом же дебюте фурор. В «Камилле» (пуританская переделка из *Dame aux Camélias*) и в «Ромео и Джульетте» она создала новые, совершенно оригинальные типы обеих героинь. Быть может, строгие европейские критики нашли бы, что ее Камилла (Маргарита) слишком напоминает в приемах свою гордую невинность и девственно чистую страсть Джульетты, а последняя у Моджевской слишком смахивает на «Даму с камелиями». Но подобные сублильные²²⁶ тонкости не принимаются в расчет умственными комбинациями американских театральными критиков. Разница темпераментов между Лукрецией Тарквиния²²⁷ и Лукрецией Борджиа²²⁸ представляется им лишь в том, что первая не сумела воспользоваться страстью Тарквиния и обогатиться на его счет, а последняя тратила слишком много долларов на возлюбленных. Поэтому они и кричат: «Моджевская – феномен! Это Рашель²²⁹, развившаяся под благотворным [влиянием] западной Америки... Она – чудо... Пойдем аплодировать!» Ну и аплодируют, но, как мне показалось, постоянно невпопад.

Другая львица сцены – немка, фон Штаймвиц²³⁰. Газеты объявляли ее попеременно русской, венгеркой, голландкой и, наконец, решились принять за немку. Афиши гласят, что сия юная актриса удостоилась чести играть перед императором Вильгельмом²³¹ в роли Мессалины²³², и его величество плакал навзрыд!

Фон Штаймвиц – действительно великолепное создание, и ее олицетворение римской императрицы было бы верхом картинности, когда бы только вместо трагедии пьеса была бы пантомимой. Но немецкий сильный выговор портит весь эффект. Штаймвиц напоминает нам принцессу в волшебной сказке. Когда та безмолвствует, народы падают ниц перед ее красотой, но вот принцесса открывает рот и все бегут без оглядки: змеи, лягушки и жабы падают из ее рта при каждом слове²³³. Так оно и с немецкой «звездой» теперь у нас. Я не знаю ничего ужаснее английского языка, звуки коего вылетают из немецкого рта! Слова прыскают, шипят, хрипят, грохочут, раздирают уши! У польки Моджевской ее легкий иностранный выговор – мелодия. Этот выговор именно и составляет главную прелесть ее необычайно эффектной, нежной игры. Когда она произносит с чисто парижским *mignardise*²³⁴: «Арман! Любишь ли ты меня?» – все лысые головы в креслах озаряются лучами неподдельного восторга и старые ловеласы биржи так и полезли бы сами в «Арманы». Но каждое слово швабской Штаймвиц поражает вас, будто куском картофельной пули из детского пистолета в ухо. Но с американцами у нее и это сходит с рук. Они бегут взирать на ее пластику, на Мессалину как на кусок превосходного красивого мяса, а не на актрису, олицетворяющую историческое лицо. За две недели «Мессалины», т.е. за 14 представлений юная фон Штаймвиц получила 12000 долларов. Не правда ли, недурно быть театральной «звездой» у нас?

Впрочем, где же красота не берет своего? Эти прекрасные творения, как лилии в полях: они

[Макаров П.Б.] Из Лондона, 5-го (12-го) октября. (Корреспонденция «Нового времени») // Новое время, 1880, №1661, 12 октября (раздел «Внешние известия»).

²²⁶ деликатные.

²²⁷ Лукреция (ок. 500 до н.э.) – легендарная римская женщина, славившаяся своей красотой и добродетелью, жена римского патриция Тарквиния Коллатина; по преданию, была обесчещена сыном царя Тарквиния Гордого, Секстом, и лишила себя жизни.

²²⁸ Лукреция Борджиа (1480–1519) – внебрачная дочь папы римского Александра VI; ее имя стало синонимом похоти и порока.

²²⁹ Рашель (Элиза Рашель Феликс, 1821–1858) – французская актриса.

²³⁰ О немецкой актрисе Штаймвиц есть запись в дневнике Олькотта-Блаватской за 1878 г. от 28 октября: «Вечер. О’Донован, Уимб[ридж]*, Рани и я ушли в Бродвейский театр посмотреть игру мисс фон Штаймвиц в “Мессалине – императрице Рима”. Забавно» (Дневники Е.П.Блаватской // *Блаватская Е.П. Оккультизм или магия*. М., 2007. С. 63).

* Уимбридж Эдвард (1841–1898) – американский архитектор, скульптор, теософ.

²³¹ Вильгельм I (1797–1888) – германский император с 1871 г.

²³² Мессалина (Валерия Мессалина, ок. 17/20–48) – третья жена римского императора Клавдия, влиятельная и властолюбивая римлянка, известная своим распутным характером.

²³³ Речь идет о сказке Ш.Перро «Подарки феи».

²³⁴ кокетством (*фр.*).

не прядут и не трудятся, а все-таки даже сам царь Соломон во всей славе своей не в состоянии перещеголять их богатством наряда.

Сцены наших театров – не арены, на которых артисты соревнуются, стараясь победить друг друга в искусстве, а просто выставки красоты, роскоши и моды. В «Генрихе VIII»²³⁵ Женестьева Уорд²³⁶, «звезда» из Англии, переменяет платье восемь раз и каждый из ее костюмов стоит тысячи долларов. Эти платья от парижского Уорта²³⁷, и костюмы, каждый из которых представляет собою маленькое состояние, и привлекают прекрасный пол в театры. Поэтому у нас сцена – одно лишь зрелище; для слуха она один хаос, так как пьесу никто и не слушает, а просто глазают на нее. Оригинальных пьес у нас весьма мало, да и те более все плагиаты из французских водевилей. В литературе и журналистике то же самое. Все у нас заимствованное, чуть было не сказала краденное, да оно и вернее. В иллюстрированных журналах все иллюстрации копированы из иностранных – английских, французских, немецких и даже русских – журналов. Статьи 40-х годов крадутся всецело и слово в слово, а более современные переделываются. Только что появится в Англии новое сочинение, его тотчас же переименовывают в американское издание и, продавая вдвое дешевле, конечно, подрывают лондонское. Поэтому теперь в Англии закон, запрещающий ввоз в Англию сочинений английских авторов в американском издании, в такой силе, что штраф за подобное преступление превышает в десять раз стоимость книги. Сарду²³⁸ в большой моде, но нравственность на словах так велика у нас, а пуританский культ так свято соблюдается, что пьесы бедного Сарду обыкновенно так искажаются, что еле самому автору узнать их на американской сцене. Например: где бы ни являлась в оригинале пьесы роль любовницы, в переводе она непременно явится законной женой, хотя и при живой другой жене. На подобные шалости, искажающие весь смысл пьесы, у нас внимания не обращают, лишь бы туалеты были изящны.

Одна из последних новостей, великих сенсаций даже, в цирке у Барнума – русский поп! На афише объявляется, что «*a russian pope*» – живой, здоровый и в национальном (?) костюме показывается утром и вечером и разговаривает с публикой по-славянски. В чем именно состоит привлекательность или курьез попа – покрыто мраком неизвестности, по крайней мере, для каждого русского. Даже если бы он был и настоящим, неподдельным попом, а не уроженцем из Курляндии, как мы в этом убедились, отправившись посмотреть на это необычайное чудо-юдо. Бедный немец на вопрос мой, откуда он, отвечал мне ломаным русским языком, что он эмигрант, приехал из Гамбурга и, умирая с голода, принял предложение агентов Барнума нарядиться в парик с длинейшими волосами и разыгрывать за доллар в день роль «попа». Теперь ему остается лишь жениться на принцессе перувианской²³⁹, барышне четырехаршинного роста и найденной якобы в подземных пещерах Кордильерских гор, где она спала в продолжение 85 лет, и парочка выйдет удивительная.

Парадоксальность в наших законах заявляется с каждым днем сильнее. Вот еще один случай, указывающий как нельзя лучше на оригинальную эксцентричность учредителей местного законодательства. На днях появилось описание похищения некоей девицы богатого дома ее возлюбленным, каким-то французиком, и, как молва гласит, в то же время жуликом. Родные были в отчаянии, и, щедро соря деньгами, отец отыскал, наконец, дочь в отеле. Но, увы! с законным мужем возле нее. Отец ушел в бешенстве и поклялся лишить дочь наследства, если она не согласится развестись с мужем. Пошли розыски с намерением узнать, кто их обвенчал, так как новобрачные отказались разъяснить дело. Наконец, к радости отца узнали следующее. Убежав из дому, героиня долго бродила по городу под руку с французиком, тщетно стараясь найти священника или судью, который обвенчал бы их: все они отказывали по причине молодости девицы. Наконец, они наняли карету и поехали за город, поверив горе свое кучеру. Последний оказался их спасителем. «Я был пастором, – сказал он им, – и имею право обвенчать вас». Сказано – сделано. Кучер тут же в карете соединил их руки, прочитал молитву и соделал их женой и мужем. Узнав об этом, отец подал на кучера жалобу. Тот явился, доказал, что он был пастором 12

²³⁵ «Генрих VIII» – пьеса У.Шекспира.

²³⁶ Уорд Женестьева (1837–1922) – английская актриса.

²³⁷ Уорт Чарльз Фредерик (1825–1895) – французский модельер.

²³⁸ Сарду Викторьен (1831–1908) – французский драматург.

²³⁹ перуанской (англ. Peruvian).

лет и оставил церковь лишь по бедности паствы своей, которая его заморила голодом. Суд объявил брак совершенно законным, и отец остался с носом.

Это может показаться невероятным русским читателям, однако, это факт. Раз посвященный, пастор сохраняет свои права женить, крестить и хоронить. Он теряет их в одном только случае: если вследствие проступка какого епархиальное начальство объявит его лишенным сана. Так как благосостояние пасторов здесь совершенно зависит от его прихожан, то весьма часто они и оставляют ряды священнослужителей и выбирают другую, более выгодную профессию. Поэтому можно весьма часто встретить докторов, адвокатов, журналистов, даже кучеров и половых, которые были когда-то пасторами и имеют тоже право венчать. Некая преподобная Феба Мартинс была долго пастором в Оранже, а теперь она служит главной горничной в Центральном отеле и тоже года три тому назад обвенчала влюбленную парочку.

В заключение скажу, что на горизонте появилось новое общество, которое оригинальностью своих целей превышает все другие. Это общество библейское, филологическое и археологическое все вместе; и цель его доказывается его громким именем. Имя ему – «Общество для отождествления потерянных племен израильских». Но потерянные племена теперь найдены этим зорким братством, то есть если не самые племена в их полном иудео-еврейском величии, то все же их прямые потомки. Только кто бы вы думали эти счастливые потомки? Наши верные, дорогие друзья англичане! Пошли и мы с другими репортерами вчера вечером на открытие общества и первый митинг его. Президировал преп[одобный] д-р Уайльд (*Wild* – в переводе «дикий»), совершенно заслуживающий свою фамилию, и вывел следующее, записанное мною на месте, а теперь представляемое в сокращенном переводе:

Открытие тождества англосаксонской расы с десятью потерянными племенами Израиля подтверждается всевозможными историческими и библейскими фактами. Без допущения этого тождества и, смешивая племя Израиля с иудейским племенем, понять Библию становится невозможным (!!). Теперь к фактам: англосаксонская раса – единственная в мире соблюдающая и всегда чтившая день субботний. Каждое особенное пророчество указывает на это тождество. Одно гласит так о племенах: «это великий народ»; в другом месте называет их «независимым народом», который «проживает на дальних островах», куда, следуя авторитету Библии, избранные расы будут призваны. Непонятно становится, как такой замечательный факт мог ускользнуть от пронизательности философов, проповедников и великих мыслителей! Непрерывные политические движения в Турции, Индии, в Св[ятой] земле – все указывает, что эти страны в близком будущем будут принадлежать англо-саксонцам, которые уж и ныне являются покровителями языческих наций. Самое слово «саксон» помогает отождествлению, ибо что может значить это слово, как не «сын Саака» или «сын Исаака»?

Почетный оратор – тот самый преподобный спекулятор, который поразил недавно ученую публику анахронистическим открытием, что ирландский св. Патрик²⁴⁰ не кто иной, как пророк Иеремий. Будем надеяться, что новое общество не забудет сделать почетнейшим членом своим лорда Дизраели-Биконсфильда. Оно и в ловком премьере может найти пророчество.

Елена Блаватская.

Нью-Йорк, 4 (16) ноября.

---

²⁴⁰ Святой Патрик – христианский святой, покровитель Ирландии.